

Матьяна
Веденская

С ОЛОВЫ
ЖЕНСКОГО
ШАРМА

Татьяна Веденская

Основы женского шарма

«Автор»

2007

Веденская Т.

Основы женского шарма / Т. Веденская — «Автор», 2007

Разумеется, среди женщин есть счастливицы, которых мужчины никогда не бросали. Возможно даже, таких большинство. Но если ты не из их числа, и тебе не повезло? Если муж оставил тебя одну с детьми на руках, без всяких средств к существованию и с огромным денежным долгом. Тебе хочется выть? О'кей, твое право – немного можешь поплакать. Только сильно не увлекайся! Лучше подумай, а вдруг все к лучшему? Ведь ты красива, умна, энергична. Сексуальна, в конце концов! Ты забыла об этом? Тогда самое время вспомнить, что тебе все по плечу, что весь мир ляжет к твоим ногам, стоит тебе только этого захотеть! Книга также издавалась под названием «Искра для соломенной вдовы».

© Веденская Т., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Веденская

Основы женского шарма

Часть первая Миллениум

Глава 1 В которой одна милая семейка отмечает Новый Год под елочкой

У кого ни спроси – это обычная и банальная житейская история, драма у кухонной плиты. Подумаешь, эка невидаль, бросил муж. А кого они сегодня не бросали? А сколько среди российских жеребцов таких, о которых только и молиться, чтобы бросили. А то пьют, распродают по частям небогатое семейное имущество, и ставят синяки, чуть им скажешь слово. Но только не мой. Мой Сережка когда женился, сразу пообещал мне:

- Ты, Оля, знай. Отныне ты за мной, как за этой... стенкой.
- Болгарской, что ли? – усмехнулась я тогда.

Но стены не получилось. Только если плетеный заборчик, покосившийся и немного облезлый. Жила я за ним, а через щели просвечивал весь мир. И вроде стоит, а двинь плечом или спичку поднеси....

Мы поженились в 1988 году. Мне тогда было восемнадцать, барышня в цвету.

– Ты, Оленька, последняя русская красавица, – говорил Серега, прогуливая меня по Арбату.

Очень он любил Арбат за его возможности. Ходишь как по музею, а платить ничего не надо. И до моего дома не так далеко. Сел на «бэшку», троллейбус, крутившийся по Садовому кольцу, и ты дома, на Покровке. О пробках мы тогда век не слышали, не было чертям такой печали.

Вот так Серега меня и соблазнял. Под творческие потуги местного бомонда.

– Как же ты, Оль, хороша с косой. И глаза у тебя как омуты. Гарна дивчина. Хоть и полненькая.

– Да уж, сокол, комплименты у тебя своеобразные. Разве же пристало говорить женщине о ее весе? И потом, всем известно, что мужики любят полненьких.

Я, конечно, обижалась, но не сильно. Знала, что хороша. С самого детства ото всех только и неслоь:

– Что это за глазки, с ума сойти, огромные, серющие, пронзительные. А что за волосы! Густые, шелковые.

Еще все носились с моей непосредственностью, общительностью, забавностью... В общем, проблем с положительным отношением к себе у меня не было. Почему я выбрала Серегу? Сейчас я, конечно, думаю, что это была моя главная ошибка в жизни, но это потому что он меня бросил. А тогда... Тогда он был влюблен, горяч, заканчивал пищевой институт (что, без сомнения, доказывало его серьезность и взрослость), в отличие от меня, легкомысленной бабочки, порхающей на родительские деньги. Короче – ближе к ночи. Обаял. К слову сказать, папочка мой с мамочкой в восторге не были. Все-таки они у меня люди с положением, проработали всю жизнь в одном многоуважаемом советском министерстве. То есть папа,

конечно. Потому что мама исполняла долг любящей жены и матери. Они спросили меня, свою единственную и крайне любимую дочку:

- Детка, а ты не спешишь? Тебе же только восемнадцать. Может, присмотритесь?
- Он будет любить меня всю жизнь. Папочка, да он меня на руках носит!
- Но это у всех проходит со временем! – справедливо намекнула маман.

Но в голове у меня гулял ветер. Короче, грянула свадьба. На свадьбу к нам прибыли солидные папины сослуживцы и жеманные мамины коллеги по брачно-министерскому цеху. Они вручали дорогие подарки, с сожалением и плохо скрытым разочарованием целовали меня в щеку и старались отойти подальше от шумной и вульгарной Сережкиной родни из Украины.

Да, я забыла сказать, он был родом из Мариуполя. Поэтому жить мы стали у меня. И вот, прожив без малого двенадцать лет, расстались. Вернее, не расстались, а он меня вероломно бросил. Причем, заметьте, бросил с двумя детьми на руках. Шурке десять, а Анюте вообще едва исполнилось четыре.

Произошло сие знаменательное событие два дня назад, двадцать девятого декабря. Он пришел с работы раньше обычного и тихо присел на краешек стула в кухне. У него было такое бледное лицо, что я испугалась, не заболел ли соколик. Но нет. Соколик изрек:

- Ольчик, мне надо с тобой серьезно поговорить. Ты сядь.

Я изумилась. Последние десять лет вопросов серьезнее покупки колясок и санок мы не решали.

- Что случилось?! – спросила я.
- Нам надо расстаться.
- В каком смысле? У тебя что, командировка?
- Нет... – чуть слышно проговорил он.

Я начала перебирать возможные варианты.

- Тебя кладут в больницу? Ты заболел?

Он замотал головой. И тут до меня начало доходить.

- Ты что, нашел себе другую? Бабу, что ли?

Тут Серега так утвердительно засопел, что я и вправду плюхнулась на стул и уставилась на мужа.

- Ты о чем?
- Я ухожу к другой. Совсем, навсегда, – выдавил он из себя. И героически побледнел.
- А как же я? Я же без тебя не могу!

Господи, я бы все отдала, чтобы пережить этот момент как-то подстойнее. Но, что выросло – то выросло. Я заплакала. А что мне оставалось, если хорошенько пораскинуть мозгами? Вот уже невероятное количество лет все мои дни и ночи подчинены неувловимому, но настойчивому ритму семейной жизни. Дети – муж, муж – дети. Магазины – готовка – прогулка – уроки. Деньги, энергию и много чего другого я черпала в этом незыблемом понятии – муж.

- Ты уж как-нибудь сама теперь. На всех меня не хватит.
- Но у нас же дети! Сереженька, может, мы как-то по-другому все решим? Я же люблю тебя. – Что я говорю? Вот позор! – Не уходи. – Интересная версия, только с больной головы я могла ляпнуть такое. Какой, интересно, другой выход?

- Все решено. Я был с вами много лет. Больше не могу.

– Но чего? Чего ты не можешь? – Я протянула к нему руки. Паралич воли настигал меня с невероятной скоростью. Хотелось включить перематку назад и стереть все эти нелепые, невозможные кадры. Как это он уйдет? Все же кончится, время остановится, вода перестанет течь к океану. Наши дети никогда не вырастут.

– Да не могу я только пахать, чтобы потом видеть тебя в одном и том же засаленном халате. Есть одни и те же макароны с сыром и слушать бред твоей маменьки.

- Но ведь девочки? – приперла я его к стенке.

– Тамара тоже ждет от меня ребенка. Сына. Я ее люблю и ей нужнее. А ты просидела на моей шее двенадцать лет, растолстела так, что с тобой спать противно. Пора тебе уже самой отвечать за себя.

Тут я ахнула и схватилась за сердце. Сергей поспешно принялся паковать чемоданы, запихивая туда все ценные вещи, которые попадались ему на глаза.

– Что ты делаешь?! Это же наши семейные драгоценности! – заорала я, хлебая по ходу дела валерьянку.

Этот момент я потом много раз крутила так и сяк в голове, но всегда приходила к одному и тому же выводу – я дура. Полная. И не просто полная, а очень полная, которой к тому же за тридцать. Ну и что с того, что человек много лет спал с тобой в одной кровати и давал деньги на еду? Как можно было заливать пол слезами и позволять ему в это время выносить из дома почти все ценное? Большая часть добра куплена кем? Муженьком? Ан нет, моим папочкой!

– Киса, у меня сейчас очень сложный период. Нужны деньги для беременной женщины. А вы не пропадете. И я вам помогу, как только смогу.

Он собирался и говорил все быстрее, словно боялся, что я сейчас перестану падать в обморок и вызову милицию. Простая мысль, что у нас с девчонками теперь тоже начинается СЛОЖНЫЙ период, посетила мою голову в тот момент, когда я стояла босиком на лестничной клетке и смотрела, как кабина лифта увозит моего теперь бывшего и львиную долю всех наших семейных накоплений.

Я чувствовала себя героем Стивена Кинга, которого на потребу жестокой публике поместили в виртуальную реальность. Герой оглядывается, а все вокруг начинает сползать, осыпаться, превращаться в дымку. Пока последние остатки реального мира не трансформируются в грязно-серое ничто.

Я упала в обморок прямо там, у лифта, в пыль плохо помытого кафеля лестничной клетки. Было бы здорово, если бы Серый, осознав всю чудовищность своего решения, вернулся, нашел бы меня, полуголую и бездыханную. Он прикрыл бы от ужаса рот рукой, словно заглушая невырвавшийся крик, подхватил бы меня на руки, открыл бы ногой дверь и... Я поняла, что не могу больше лежать на кафеле. Сознание ко мне вернулось, а телу было довольно холодно. Ждать Сергея не было никакого смысла, так что я самостоятельно доковыляла до дому, до хаты и принялась обалдевать.

Прошло два дня. Сегодня, слава богу, Новый год, так что можно бы и радоваться. Праздник все-таки. Но я сижу у себя в комнате, реву, пью валерьянку с водкой, коктейль «Разведенка», и думаю о том, как хорошо, что папочка не дожил до этого дня. Дочери периодически пытаются привести меня в чувство, и тогда я реву еще горше. Иногда заходит моя драгоценная маменька и выдает что-нибудь вроде: «Да, доченька, говорила я, что он не пара тебе. Не послушалась меня, вот и получай по заслугам. Теперь узнаешь, как одной двух детей поднимать». После этих комментариев прошлого и настоящего я наливала себе еще водки. Тогда моей умнице Шурке, старшенькой, пришла в голову гениальная идея пригласить на праздничный обед мою давнюю подружку Машку – Матильду. Полезностей от этого было две: во-первых, по крайней мере, будет кому со мной пить и принимать на себя мои пьяные стенания относительно того, что все мужики – козлы. Во-вторых, найдется тогда хоть кто-то, кто накроет праздничный стол. Шурик хотела праздника, хотела еды и устала плакать вместе со мной по безвременно ушедшему (от нас) папаше. Аня же крайне сильно рассчитывала и на Деда Мороза, и на кучу вкусностей. В результате часам к трем этого веселого миллениума в мою обширную трешку на Покровке прибыла Мотька вместе со всеми своими девяноста пятью килограммами, равномерно распределявшимися на ста восьмидесяти двух сантиметрах ее нехилой фигуры. Кстати, на фоне Матильды я всегда чувствовала себя Жизелью, хотя и сама всего чуть-чуть не добрала до восьмидесяти.

– Что же это он, подлец, делает?! – с места в карьер бросилась Мотька.

Я ответила ей честным воем. За слезами легко прятались и безнадежность, и нежелание что-либо решать или понимать. Жалейте меня, утешайте. Я такая несчастная. Ни в чем не виноватая!

– И носит же земля таких подлецов, – приступила к исполнению священного долга НАСТОЯЩЕЙ ПОДРУГИ Мотья.

Я утвердительно выпила водки. В моих глазах Машка начала потихоньку раскачиваться. Девяностокilограммовый маятник, причем трезвый. Короче, новое тысячелетие мы справили примерно так: Аня спала в кресле около грохочущего телевизора, Шурик поглощала все привезенные и изготовленные кулинарно-гениальной Мотькой блюда, бабушка всем читала нотации, а мы с уставшей от треволнений Машулей быстренько привели наши состояния к одному общему знаменателю и дальше уже душевно набирались, муслируя подробности него-дядьского поступка моего супруга.

Наутро у нас закономерно раскалывалась голова. Память обрывалась примерно в следующей точке: «А давай эту суку найдем и пристрелим». – «Ну нет, это скучно. Надо ее за ноги привязать к мосту над Яузой и оставить висеть». – «А можно подстеречь в подъезде и дать по голове монтировкой. Тогда у нее точно выкидыш случится». – «Тогда у нее может и выкидыш мозгов случиться. Между прочим, уголовно наказуемый. Хочешь в клетку?» – «Ну и пусть, ну и отлично! Можно подумать, что кверху попой над Яузой она будет висеть абсолютнo законно».

Возможно, что дальше мы придумали бы что-то еще более дельное, но головы решили остановиться на моменте монтировки и отключили у нас обеих функцию записи. Наутро под колокольные удары мигрени начали вползать неправильные мысли. Мы лежали на осиротевшем супружеском ложе и делились ими:

– Вот скажи, Мотька, я самая страшная на земле бабища?

– Да что ты. Есть и страшнее.

– Понятно. Но мало, – соглашалась я.

– Ты, Олечка, баба хоть куда. И глаза по-прежнему огромные, и коса до жопы. Только немного бы похудеть, – не стала напрягаться по поводу тактичности подруга.

– Так это и тебе не мешало бы, – совершила я «алаверды». Мотька почему-то не обиделась.

– Да уж. Но главное, надо халат сменить. И вообще, мужикам, как выясняется в последнее время, нравятся личности.

– Да? – удивилась я. – А раньше они сами хотели ими быть.

– Нет, Олька, ты меряешь категориями прошлого тысячелетия.

– Однозначно, – не спорила я, памятуя о дате, так лихо отпразднованной вчера.

– Сейчас любят бизнес-леди, а ты кто?

– Домохозяйка, – вздохнула я. И было от чего вздыхать. Я никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах не работала. Сначала папа хотел, чтобы я нашла себе дело по душе. Потом, когда я нашла и оказалось, что это дело – Сергей, то уже Сергей считал, что место жены – дома в ожидании мужа. Естественно, когда народились дети, их жаль было отдавать в сады. Вот так я и приехала. Из личности – в усовершенствованный кухонный комбайн. Многопрофильный. Еще не старый. Никому не нужный.

– Мотька, а как же мне дальше жить?

– Как? На алименты. Ведь Серега-то у тебя парень с совестью, небось поможет собственным дочкам.

– Надеюсь, – неуверенно пробормотала я и напомнила: – Только у него там краля сыночка ждет.

– А вот это п...ц, – не постеснявшись бродившей, как тень отца Гамлета, мамочки, изрекла Матильда.

Вчера, конечно, мы уже обсуждали факт новоявленного отцовства моего милого. Но абстиненция – она и есть абстиненция, голова ничего не держит. Мотыка выругалась, вспомнила все и довольно сильно загрустила. И была права.

И хоть я сама понимала, что дальше будет плохо, а все ж таки от шока меня ничто не избавило. Обычно я, как нормальная замужняя женщина, брала деньги в тумбочке. Кто их туда клал, какой такой Дед Мороз, меня не интересовало. Теперь тумбочка давать наличность перестала. Однако выяснила я это не сразу, а только после того, как от денежных запасов нашей ампутированной на одну конечность семьи осталось тридцать долларов, а все общие знакомые сообщили, что понятия не имеют, где может быть Сергей. Когда же по номеру его родимой пиццерии, где он бизнесменил последние пять лет, сказали, что нет не только Сергея Анатолевича, но и самой пиццерии тоже, я поняла, что имел в виду бывший муж, говоря: «Дальше как-нибудь сама». Тридцать долларов и двое голодных детей. Тридцать долларов и улюлюканье моей матери: «Я предупреждала, что твой Сереженька – подлец, каких поискать! И не могло по-другому получиться». Плюс к этому я совершенно не представляла, где и как искать работу, которая сможет нас прокормить прямо сейчас. Пожалуй, в этот момент я бы простила Сереге все, что угодно, лишь бы он вернулся. Даже если бы он привел к нам жить свою брюхатую подругу. Только бы дал денег. Ау, люди! На что жить женщине без образования и какого бы то ни было жизненного опыта, но зато при куче комплексов личной неполноценности, как старых, так и вновь приобретенных?

Наступил Новый, 2000 год. Миллениум. Занавес.

Глава 2

В которой выясняется, что Москва – самый дорогой город после Токио

Сергей не вернулся, как я ни молилась. Я, конечно, молилась не очень интенсивно, больше гадала. Во тьме кофейной гущи подруги то видели моего благоверного, то не видели. То видели, но со стаей демонов под руку. Или самого, но с черными крыльями. Я перепугалась и перекинулась на карты таро. В них тут же выпали несущие беду таинственные рухнувшие башни и какие-то еще старшие арканы (красивое слово) со всякими гадкими обещаниями. Я уже было совсем отчаялась, даже сделала бы приворот, о котором талдычила группа сочувствующих мне подруг. Но... приворот стоил пятьдесят баксов, и я поняла, что не тяну на помощь потустороннего мира. Тогда я, по совету консилиума подруг во главе с Мотькой, купила газету «Работа и получка». Тот же консилиум вручил мне пачку истрепанных «Космополитенов», заверяя, что это феминистическое чтиво поможет мне осознать свою дремучесть, изжить комплексы и стать Женщиной, измениться до неузнаваемости. После этого, однозначно, Сергей должен будет приползти ко мне на коленях, вымаливая прощение и разрешение вернуться. Вот мудрость, которую я почерпнула из этой стопки в первые же полчаса чтения: «Радуйся жизни, получишь удовольствие от всего, что тебя окружает».

Я выдавила из себя улыбку и начала свой телефонный марафон. Первым местом, которое я сочла достойным, оказалась вакансия секретаря в офис. А что, работа непыльная. Наверняка там ценят исполнительность и аккуратность.

– Алло, вы ищете секретаря? – спросила я у вежливой тишины с той стороны. Почему-то сердце заколотилось сильнее обычного. Необъяснимое явление.

– Нет, уже нашли.

Я растерялась. К такой скорости общения я не привыкла. Но объявление не было единственным. Собственно, секретари требовались чуть ли не половине Москвы, так что я продолжила.

– Алло, вы ищете секретаря?

– Нет.

Обалдеть! Следующие три попытки оказались также безрезультатны. Я совсем уже было отчаялась, но вдруг раздался ответ:

– Да, требуется. Вас устроит оклад в сто долларов на испытательный срок?

– Конечно! – радостно заверила я.

– Тогда пришлите ваше резюме на e-мейл нашей фирмы. Кадры собака промотера точка ру.

Тут я офигела и поняла, что в этой фирме мне не работать никогда. Во-первых, у меня нет резюме. А если бы и было, что там значилось? Возраст – не спрашивайте, все равно не отвечу. Профессия – домохозяйка. Опыт работы – ноль и даже меньше. Меньше, так как я даже не поняла, куда мне предложили отправить резюме. Позже меня еще два раза послали к «собаке». Я осознала – чего-то я не секу. И в следующий раз при словах пришлите резюме на «собаку» я взмолилась:

– Девушка, милая, не вешайте трубку. Объясните, что это за «собака».

Девушка удивилась. Потом вежливо сообщила, что раз я не знаю, в каком формате пишутся почтовые интернет-адреса, то в качестве секретаря, скорее всего, не подойду. На всякий случай я у нее вызнала, что еще нужно знать секретарю. Оказалось, кучу всего. Плюс иностранный, плюс надо быть коммуникабельной и приятной в общении. Короче, ясно, что секретарем мне не быть. О коммуникабельности в «Космо» был целый тест, который показал,

что у меня этого дара нет. Я скорее из закрытых и необщительных тупиц, которым не место в рядах эмансипированных девушек «Космо».

В общем, радоваться всему, что есть вокруг, в тот день у меня не получилось. Я пошла в магазин и потратила двадцать из тридцати долларов, купив при этом только гречку, хлеб, сахар, курицу и молоко. Из этого списка дорогой была только курица, но все равно деньги ушли все. Я всегда считал себя экономной хозяйкой, но, придя домой, я снова расплакалась. Какие у нас в Москве, оказывается, цены! С ума сойти!

Матильда пообещала подвезти долларов двадцать к концу недели. Мне стало легче, и я легла спать. В конце концов, утро вечера мудренее.

На следующий день я умерила свои амбиции и решила охватить сектор розничной торговли, так как после долгого чтения списка рубрик поняла, что везде требуются какие-то исходные данные. То ли опыт, то ли образование. В общем, что-то да потребуют. Страницы слились у меня в единое месиво, но я тупо набирала номера.

– Вам требуется продавец?

– Да, у вас есть опыт работы?

– Нет.

– Ну, ничего. Пойдете стажером. А санитарная книжка?

– Нет.

– Тогда извините. Оформите и приходите.

– А где оформлять?

– В поликлинике по месту прописки. Примерно месяц-два. – Привычно и явно не в первый раз отвечала девушка на том конце провода.

Да, продавцом стать я тоже не успевала. Деньги были мне нужны прямо сейчас, пару месяцев мои девочки без еды не перебьются. Господи, какая же это проблема для меня – решать серьезные вопросы так быстро! Я же по жизни плавная и неторопливая. Для того чтобы собраться и выйти из дома, мне требуется около часа. Я люблю долго и тщательно краситься, начищаю ботинки до блеска. Когда я глажу белье, то добиваюсь, чтобы ушли все-все складочки. Пусть я глажу медленно, зато в школе моя Шурка – чуть ли не главная модница. А тут: «Алло, здрасте, до свидания. Идите к собаке». И заново, и так целый день. И «Космо» тоже пишет: «Сегодня главное – ритм жизни». Не нравится мне это.

Единственная вакансия, оказавшаяся мне по плечу, называлась – менеджер по доставке. Черт его знает, что меня дернуло позвонить. Просто стало интересно, что это за хренота такая. Оказалось – курьер. И вот с утра, ни свет ни заря, я помчалась на край света, к метро «ВДНХ», на собеседование. От метро меня долго трясли на автобусе по проспекту Мира в сторону платформы «Северянин». Там, неподалеку, в подвале жилого дома, притаилась экспедиторская контора. Два хмыря с помятыми физиономиями забросали меня разными дурацкими вопросами из серии: «А удобно ли вам до нас добираться? А устроит ли вас оплата сто рублей за поездку? А что вас к нам привело?» Я честно на все отвечала, уже жалея, что вообще в это ввязалась, как вдруг... Они мне отказали! Вот это был крах так крах. Меня не приняли на работу курьера!

– Почему? – ошалела я.

– Вы красивая барышня в самом соку, к тому же так хорошо одеты. Вы не справитесь с этой работой. Нам нужно делать минимум десять концов в день. А вы явно еле сюда добрались.

Что же, они были правы. Я добралась до них с огромным трудом, тем более январь не баловал условиями для дальних поездок. «Ну и слава богу», – подумала я, опадая в ванну. Что думает на эту тему «Космополитен», меня не интересовало.

К концу недели безуспешных поисков только одна компания порадовала меня шикарными условиями работы, вежливостью и заинтересованностью. Фирма называлась «Травяная жизнь». Что делать и как получить место, мне по телефону не сказали, но зарплату пообещали

в тысячу долларов минимум! Они – быстро развивающаяся корпорация с суперпопулярным и эксклюзивным товаром, так что я могла только радоваться, что успела дозвониться. Я приехала и побрела на собеседование. «Травяная жизнь» располагалась в солидном месте не так уж далеко от моего дома на Покровке. Примерно в районе Красных Ворот.

– Здравствуйте, здравствуйте. Проходите. Кто ваш консультант? – ласково спросила меня милейшая девушка в деловом костюме.

– Карпенко, – пробормотала я фамилию того, кто разговаривал со мной по телефону, и тут же решила, что во что бы то ни стало буду такой, как и эта девушка на входе. Такая умница, такая деловая и уверенная в себе.

– Тогда проходите в зал и садитесь.

Я так и сделала. В довольно большом зале собралось около пятидесяти человек, и я приуныла. Вряд ли женщине с моими исходными данными удастся обойти такое количество конкуренток. Но мои сомнения были развеяны. Оказалось, что мы с ними и не конкуренты вовсе, а дружная сплоченная корпоративная семья.

– Дорогие наши вновь прибывшие друзья! Надеюсь, что со временем мы станем одной командой, – заголосил со сцены молодой и чертовски симпатичный мужчина. – Уже сейчас вы имеете уникальный шанс просто потому, что вы здесь. Немногим повезло так, как вам. Продукция компании «Травяная жизнь», нашей с вами компании, суперпопулярна в мире желающих похудеть. На всех этой продукции не хватает, поэтому мы распространяем ее только через наших дилеров. И именно среди вас, я уверен, найдутся вскоре лучшие наши кадры.

Он был неотразим и убедителен. И потряс меня тем, какие возможности действительно дает жизнь. Я была очарована и компанией, и ее супервайзером (этим самым мужичком), и продукцией. Я уже была уверена, что сама смогу похудеть и измениться с ее помощью. Осталось дело за малым. Нужно было срочно выкупить партию товара за пятьсот долларов США. А продать за полторы тысячи. Невероятно! Я помчалась к богатой Матильде, которая трудилась кем-то вроде помеси психолога и экстрасенса. Клиентов у нее было достаточно, и я решила занять пятьсот баксов у нее. Ее реакция оказалась для меня неожиданной.

– Ты что, совсем взбесилась? Тебе деньги девать некуда?! «Травяная жизнь» – да ты хоть знаешь, что это за фирма? Скольких людей она надула!

– Но у них же натуральные препараты из Америки, – робко возразила я.

– Натуральное говно из Америки. Господи! Ты как из леса. Иди и забудь о них. Ищи себе нормальную работу!

– Нормальной нет, – пожаловалась я и побрела домой.

Матильда жила не в ближнем свете от меня, на станции «Медведково». Там около метро был роскошный продуктовый рынок, качественный и недорогой. И я решила зайти туда и потратить выданные Мотькой двадцать баксов. Чего их экономить, когда ясно, что смерть близка?

Смурная бродила я среди рядов, шарахаясь от цен. В принципе с ценами все было в порядке. А вот со мной нет. Надежда найти хоть какую-то работу окончательно оставила меня. Что может ожидать человека, которого не взяли даже в курьеры? Теперь только и остались вакансии уборщиц и различных менеджеров по продаже воздуха. С первоначальными вложениями. Как «Травяная жизнь», будь она неладна. В общем и целом, перспектива напрягала и порождала желание спастись бегством. Я шла по рынку, пока не прочла засаленное и грязное объявление у самого выхода. «Требуется прадавищица цветов. Оплата сдэльно». Степень моего отчаяния была такова, что я решилась.

– Подскажите, кому требуется продавец цветов? – спросила я девушку, стоявшую под объявлением.

Девушка помолчала, обдумывая, достойна ли я ее ответа, и крикнула:

– Ваню, иди сюда. Насчет работы. – Она сделала мне одолжение и снова ушла в себя.

– Тибэ чэго? – вынырнул из-за моей спины черненький Ваню.

– Мне работу.

– Зачэ́м? – удивился он. Видимо, снова мой ухоженный и благополучный вид сбил с толку.

– Очень надо! Муж бросил! С детьми!

Ваню, кажется, понял, так как, помолчав, изрек:

– Завтра к дэвяти приходи. Найдешь мэня. Триста рублей в день, но можно нэмножко воровать. Как пойдет.

Он явно попытался меня приободрить. Триста рублей в день означали десять долларов в день или семьдесят долларов за семь дней. Я умножила одно на другое, другое на третье и воодушевилась.

– Ну что? Придешь?

– Приду, – улыбнулась я и отбыла на Покровку.

Поднимаясь по эскалатору «Китай-города», я поймала себя на мысли, что настроение мое улучшилось. Я шла по Маросейке, глядя на сверкающие огни витрин. Улыбалась встречным прохожим, не замечая тяжести сумок. И вообще показалось, что самое страшное позади.

Дома из телевизора милая девушка, чем-то похожая на работницу «Травяной жизни», долго размахивала рукой около карты Москвы и области, вещая что-то про северный фронт и циклон. Подведя итог, она наконец простым русским языком объяснила, что ночью в Москве температура понизится до тридцати градусов ниже нуля и останется таковой днем, прибавив к себе северный ветер с какими-то немислимыми порывами. Я в это время пила чай и не осознавала признаков катастрофы.

Вся глубина пропасти открылась только на следующий день, когда Ваню поставил меня на точку. В этот момент даже в его глазах читалось изрядное сомнение. Но я только вышла из теплого метро и была полна радужных планов. К обеду мои мечтания кончились. И все остальное тоже. Терпение, жажда выжить, потребность в тепле. Я стояла около дороги со стойкой цветов. Внутри стойки горели свечи, так что цветам было вполне тепло, а вот мне... От холода я начала тихо завывать, прыгать вокруг будки и бубнить попсовые песенки себе под нос. «Ой мороз, мороз, не морозь меня!» К обеду я захотела залезть внутрь к цветам, но не смогла из-за своих нецветочных габаритов. В перерыв я грелась у пепси-стойки на выходе со станции «Медведково».

– Дайте мне очень горячий чай, – гордо потребовала я, имея финансовую возможность только на него.

Чай упал в обледенелые внутренности и моментально сам охладился до той же температуры.

Остаток дня прошел в бреду. Я на автопилоте ввинчивала цветки в полиэтилен и совала их в руки теплых, выскочивших на секунду за букетом автомобилистов и снова впадала в анабиоз. В одном мне повезло. Природная способность к устным расчетам и достаточная жировая прослойка на теле позволили мне выстоять и отбыть домой с тремястами рублями зарплаты и лишней сотней.

– Это тэбэ прэ́мия за морозоустойчивость, – с трудом выговорил Ваню, который никак не ожидал, что я додержусь.

Всю следующую неделю я, не стесняясь, заворачивалась во все имеющиеся в доме носки, рейтузы и свитера, брала с собой одеяло, валенки и термос. А также освоила с помощью Ваню житейскую приколку «стальная гвоздика». Ваню давал мне гвоздички с отломанными головками, а я накрепко насаживала их на тонкую иголочку, верх в головку, а низ в стебель. Затем «стальная гвоздика» умело маскировалась в большом букете и шла как целая. Таким образом, с каждого сварганенного цветка я получала пятьдесят рубликов сверху. Моя совесть, отмо-

роженная московской зимой, молчала. А вечером я заглушала ее стопочкой коньяку. Таким образом я сохраняла нетронутой свою природную нравственность.

Прошла пара недель, я измоталась, но в кармане зазвенели две сотни баксов, половина которых, к сожалению, тратилась на еду. Я запланировала взять неделю перерыва, тем более что изначально предполагалась работа неделя через неделю.

И только я решила, что, пожалуй, все не так плохо, как случилось ЭТО.

Глава 3

Ясно показывающая, насколько все мужики козлы

Оглядываясь назад, я вдруг подмечаю, что в тот момент со стороны я была похожа на железобетонного робота, запрограммированного на выживание. Наверное, это мороз так заморозил мою душу, потому что, конечно, мне совсем не было безразлично все, что со мной стряслось. Не во всякий день вас бросает единственный и вполне любимый муж. Разве можно оказаться к этому готовой? Мы можем хорохориться, демонстрируя наработанную годами защиту, но... Как-то ко мне подошла моя младшенькая, Анютка, озорной ангелочек с похожими на блюдечки глазками и живым нравом. Она серьезно на меня посмотрела, потом погладила по голове маленькой ладошкой и сказала:

– Мамуля, хочешь, я буду тебе вместо папы? Я тоже буду просить ужин и давать тебе денежки.

Я разрыдалась. Как же точно она просекла суть наших отношений с мужем! А кто бы на моем месте не рыдал? И, к своему стыду, признаюсь: если бы Серый обнаружил в этот момент свое местонахождение, я бы умоляла его вернуться. Мне было одиноко по ночам. Я утыкалась в его подушку и нюхала остаточный аромат мужика, понимая, что оригинал понюхать получится вряд ли. Тоска разбавлялась работой, холод сковывал сердце изнутри и нос с конечностями – снаружи. Мама начала пилить меня по-новому:

– Олечка, ты стала пить! Как ты можешь, ты же женщина?!

– Легко, мама. Я могу пить легко и с удовольствием, – эпатировала я.

– Но не так же много. И потом, почему не вино, почему коньяк?

– А что ты торгуешься? Я за день так намерзнусь, что только коньяк мне и может помочь.

Вино – это полумеры.

– А вот если бы ты нас с отцом слушалась, то не оказалась бы сейчас в таком немислимом положении, – завершала она.

Мотька, по-моему, была похожего мнения, хотя и не лепила его мне в такой прямой форме. Но чуть ли не ежедневно она звонила мне, чтобы рассказать очередную историю из своей психологической практики. По ее мнению, они могли быть мне полезны. Ха-ха! Вот эта, например:

– Короче, пришла баба, лет сорока. Живет с ним уже пятнадцать лет. Вместе выпивают, вместе дерутся, ну и спят. И вот он ее избил, отобрал ее получку и ушел в неизвестном направлении. Я ей говорю – плюнь ты на него. А она уперлась – верни и все. Ну зачем он ей? Бросила бы пить, приделась, нашла бы другого. Нестарая же еще. А? Каково?

Я молчала, наливая себе свою законную стопку, и думала, что понимаю эту бабу. Если бы он только захотел вернуться...

– Я совсем не рада этой возможности меняться. Я хочу, чтобы было как раньше.

– Ты дуреха. У тебя все еще впереди, – заверяла Мотька и была права.

Все еще было только впереди. За цветочками неожиданно появились ягодки. ЭТО началось в первых числах февраля. Точнее, я могу назвать даже дату. Второе февраля, среда. Я вернулась с работы усталая, как собака Павлова. В смысле, я бросалась на еду, так как не ела весь день. За окном пурга, дома скучающие и дерущиеся дети, на которых пришлось наорать. Конечно, моя совесть бордовеет, когда с моих уст слетает громогласное:

– Быстро разбрелись по углам, гадюки! Ты, Шурка, к себе, и если через пять минут не приступишь к... уборке, например, то я тебе отшибу все рога.

– Мама, у меня нет рогов! – возмущается та.

– Тогда буду бить прямо по твоей безрогой голове! – несусь я дальше.

Анюта с восторгом смотрит, как изничтожают вражескую сестру. Я это вижу и свирепею уже в другую сторону.

– А ты что вылупилась?! Марш мыть посуду!

– Я же еще крошечная! Я же твоя бедненькая! – припоминает мне смысленный ребенок все эпитеты, которыми я награждала ее, оплакивая соломенное сиротство.

– Если немедленно не заткнетесь обе, то месяц без мультиков, год без шоколада. Маме надо отдохнуть, – подвожу я окончательный итог, показывая безусловную власть силы.

Но тут из своего логова выползает мамуля:

– Как ты можешь на них так кричать?! Если ты упустила мужика, не срывайся на детях. Ах вы мои бедненькие, – бежит она их жалеть.

Но мои детки – не дурочки и от бабули, даже от доброй, кидаются мыть посуду и производить уборку. Они явно предпочитают злую меня. И вот в этот момент маман выдала мне письмо.

– Сегодня почтальон принес, прямо на дом. Заставил меня расписаться.

– Ты говоришь об этом так, словно тебе пришлось картошку ведрами таскать. А что за письмо? – Я читала обратный адрес: Москва, Аптекарский переулок, дом 3, ОАО АКБ «Национальный стандарт».

– От АКБ. Что за такое АКБ – я не знаю, – пояснила она. Ей явно было интересно, о чем мне пишут.

– Адресовано мне. Ладно, чего гадать, тащи ножницы, – велела я.

Я достала из конверта официальный бланк, оценила бумагу и отличное качество печати и принялась читать:

– «Уважаемая Петрова О.Н., просим погасить задолженность по выплате кредита за декабрь и январь, включая штрафные санкции за просрочку платежа, в размере 300 (трехсот) долларов США. Просим впредь не пропускать согласованные сроки ежемесячных платежей. С уважением, администратор ОАО АКБ „Национальный стандарт“ Потапова А.Н.».

– Это что же за такое? – запричитала мать раньше, чем я успела понять. – Это кому ты там что должна?

– Я не знаю, мама, я ничего не платила. А тут написано о просрочке! Как можно просрочить то, чего не было?

– Не иначе это дела твоего муженька. Он же все время темнил. Он же у тебя бандит, – трепыхалась маменька.

– Прекрати. Сережка просто управлял пиццерией. Это мелкий бизнес, ничего особенного.

– Да? А что это? – тыкнула она в письмо.

– А это я узнаю, когда туда позвоню, – уверенно сказала я, но у самой, что называется, тряслись поджилки. Неужели мне, как Скарлетт О'Хара, надо будет отдаться кому-нибудь, чтобы выплатить долг? Моего горе-заработка еле хватает на еду. И вообще, я только-только стала брошенной, я не привыкла еще даже ходить на работу. Я не готова к каким-то новым треволнениям. Завтра найду эту АКБ и разнесу в пух и прах!

На следующий день я с самого утра приготовилась биться за свои права. Сначала я, как боевой петух, клевала кнопки телефона, пока не поняла, что дозвониться невозможно. Никак. Прямо Смольный в период октябрьского переворота, а не АКБ. Тогда я решила нанести им решительный и бескомпромиссный удар. То есть конкретно: я оделась в самый дорогой из имеющихся нарядов, потратила на макияж в два раза больше времени (то есть на круг вышло часа так три в общей сложности) и перед выходом перечитала статью в «Космо» о том, что каждая современная женщина должна уметь постоять за себя. Они, правда, почти ничего не

написали о том, как именно я должна постоять, но настроение навеяли боевое. Я отправилась на Бауманскую.

Я не люблю этот район, хотя от меня до него всего несколько троллейбусных остановок, если ехать через Старую Басманную улицу. На Бауманской шумно, грязно и некрасиво. Мне, привыкшей с детства смотреть в мое окно на шестом этаже большого сталинского дома и видеть ковер из крыш, деревьев, огней и людей, промзоны и рабочие районы давили на мозг. Я не сноб и понимаю, что моя Москва строилась урывками, каждый район планировался разными людьми. Новая Москва, типа Медведкова, вообще безлика и призвана служить только одной цели – размещать невообразимые массы людей. Но я люблю старую запутанную и бугристую Москву, очерченную Бульварным кольцом.

Я вышла у Елоховской церкви, протопала по снегу через какой-то мелкий переулочек и свернула в Аптекарский. Вокруг меня примерно с такой же скоростью плелись машины. Мне стало смешно: у всех водителей, измученных дорожной пробкой, одинаково озверевшие лица. Странно, сколько развелось нынче машин! Ну право, только ленивый сейчас ходит пешком. Как же так получается: я живу в Москве там, где деньги чуть ли не лежат под ногами, а работаю у сексуально не востребовавшего кавказца Ваню, который, очевидно, в скором времени перейдет от взглядов и случайных касаний к более активным действиям. Хорошо, что сейчас ему мешают хватать меня за соответствующие места все эти свитера-пальто-шарфы-пледы. Но даже мой заиндевший нос, по-моему, его возбуждает.

– Вы к кому? – оглушил меня серьезный дядечка, когда я подошла к третьему дому и замерла в поисках вывески.

Вывески не было.

– А вы кто? – ответила я ему в том же тоне.

– Я – секьюрити.

– Круто. А мне нужен АКБ «Национальный стандарт».

– А это он и есть. Вы к кому?

Я достала бумажку и прочла фамилию.

– Подождите у турникета. К вам спустится ваш персональный менеджер.

– Мой личный? – удивилась я.

– А как же? А раньше у вас кто был?

– Никого, – пролепетала я и растерялась. Что это? Меня тут принимают как родную, как старую знакомую. А почему я ничего не знаю о них? Это что-то паранормальное. Охранник ушел внутрь и вышел через несколько минут с девочкой лет двадцати.

– Кто Петрова? – спросила она.

– Я, – крикнула я, радуясь, что хотя бы в лицо здесь меня не узнают.

– Пойдемте.

– Куда?

– К операционистам, – сухо бросила мне худая девочка в джинсах и черной водолазке и наострила лыжи внутрь.

Я уперлась.

– Зачем?

Она обернулась и непонимающе произнесла:

– Но вы же письмо получили?

– Ну и что?

– Вы задолженность хотите погасить?

– Нет. – Ведь я же действительно не хотела.

Она, похоже, растерялась.

– Почему?

– А я не понимаю, почему я вам должна гасить какую-то задолженность?

– Так вы же по кредиту.

– Да по какому кредиту?! – начала я горячиться. – Вы меня с кем-то путаете.

– Хорошо. Пойдемте в переговорную и разберемся. Я вызову администратора.

Не могу сказать, чтобы я была в восторге. Идти внутрь мне совсем не хотелось. Но что делать? И вообще, я замерзла, а тут красота, чистота, все блестит и переливается. Хоть побуду часок в приятном месте. Меня проводили в просторную холеную комнату для избранных. Во всяком случае, она была так хороша, что можно было так подумать. Усадили за овальный стол из красного дерева. Ну, может быть, и не красное дерево, но очень похоже. И предложили кофе. Сняв пальто, я развалилась в кресле и, глядя в окно, потягивала из малюсенькой чашечки отличный эспрессо. Давно мне не было так хорошо. Наконец в зал вошел администратор, сухопарый маленький клеркообразный мужик лет пятидесяти.

– Простите, вы Ольга Николаевна Петрова? – спросил он, не высовывая носа из пачки бумаг.

– Да. Но имя у меня довольно распространенное, наверное, письмо отправили неправильно.

– Боюсь, что это невозможно, но на всякий случай дайте ваш паспорт.

Я достала мой новенький паспорт гражданина теперь уже России (как раз недавно поменяла) и величественно протянула ему.

– Да, все верно. И что же вы хотите мне сообщить? – Он скользнул взглядом поверх меня.

Тут уже я растерялась.

– Что верно?

– Верно, что именно вы, Ольга Николаевна, взяли у нашего банка кредит на сто тысяч долларов.

– Когда?! – прошептала я.

– В 1994 году. Секундочку... В ноябре. Что вас еще интересует? – Клерк был так вежлив, что хотелось его треснуть по лоснящейся благополучной лысине.

– Сколько? – выдавила я из себя.

– Сто тысяч. Но вы выплатили уже половину. Так что осталось пятьдесят. Слушайте, мне не нравится, что вы на меня смотрите так, словно впервые все это слышите. Смотрите. Это ваша подпись? – он извлек из недр красивой массивной папки-скоросшивателя какую-то бумагу.

Подпись была моя. Кошмар. Я начала вспоминать. Я была уверена, что Сережа все давно выплатил.

– Но это же бумаги, которые я подписывала черт знает когда!

– Не черт знает когда, а в 1994 году. Кредит на бизнес.

– Ну да. На пиццерию. Но Сережа ничего не говорил, он же давно все выплатил. Это вообще его дела. При чем тут я?

– Как же вы можете так говорить? Кредит брали вы, а не ваш муж. Да, вы его брали с целью открытия пиццерии. Но пиццерии больше нет, мы это выяснили, когда не пришел очередной платеж.

– И что же теперь? Что же, теперь он не платит? Ну и напишите ему!

– О господи! Я же вам объясняю, кредит брали вы, а не он. Да он и не мог его взять, он же не имеет собственности в Москве. А все кредиты выдаются под залог чего-либо.

– Но у меня-то тем более ничего нет.

– А квартира? Вы же единственный собственник большой квартиры на улице Покровка, дом 35.

– Что? Я вам что, должна отдать квартиру? – заорала я.

– Зачем? Выплачивайте кредит и все. Залог взыскивается только в судебном порядке, когда станет ясно, что никак иначе вы не собираетесь возмещать задолженность.

– То есть либо я выплачиваю пятьдесят штук, либо вы отберете у меня квартиру?

– Грубо, но верно. Вы меня простите, но зачем же вы подписали кредитный договор, если не понимали, что делаете?

– Он же был моим мужем. И ведь он исправно выплачивал все эти пять лет.

– А что же изменилось? – сочувственно и в первый раз как-то по-человечески спросил он.

– Он от меня ушел. И, видимо, решил, что дальше я разберусь сама, – горько выдавила я из себя и разрыдалась.

Господи, я не могу лишиться моей любимой квартиры! Я не хочу жить с девочками на вокзалах и подрабатывать проституткой! Да и не гожусь я в жрицы любви. Толстая и старая. Тридцать лет!

– Успокойтесь, ради бога. Выпейте водички.

– У меня нет денег. Он все, что можно было продать, забрал. Я не смогу платить, – скулила я. Неуклюже и нелепо я размазывала сопли по щекам и хлюпала носом. Ни одной конструктивной мысли, сплошной бабий мандраж.

– Прекратите истерику. Она вам все равно не поможет, – раздался у меня за спиной чей-то незнакомый голос.

Я обернулась. Передо мной стоял Мужчина с большой буквы. Я таких отродясь не видала, если честно. Высокий, сильный, про таких говорят – косая сажень в плечах. Правильные черты лица, черные с проседью волосы, хотя лет ему не больше сорока. Эта проседь придавала ему возвышенно-благородный вид. Синие глаза, чувственный рот, высокий лоб. Горделивая уверенная походка человека, который всю жизнь был как минимум на голову выше окружающих его людей. Прекрасный костюм, явно специально сшитый для него и под его нестандартные размеры. Все это я вспоминала и муссировала по дороге домой, думая, что таких мужиков, наверное, выводят в специальных лабораториях по борьбе с женским феминизмом. Против его слова и его взгляда не устоит ни одна. И вот этот самый великолепный полубогообразный экземпляр презрительно стряхнул с рукава соринку, причем сделал это так, что мне показалось, что он стряхнул с рукава меня, и сказал:

– Мадам, не надо так горько плакать. Мы не бандиты, а коммерческий банк. На улицу вас выставлять никто не хочет, но и вытаскивать себя из проблем, в которые вы сами себя вовлекли, вы будете сами. Я понятно излагаю?

– Да, – проглотила я всю свою истерику и заткнулась. Плечи, конечно, еще дрожали.

– Очень хорошо. Я так понял, что муж вас бросил, не объяснив, что вы должны нам денег. Так?

– Так, – кивнула я.

– Но деньги нашего банка вам в лице мужа были выданы полностью согласно договору. Все сто штук наличными. Не наша проблема, что он не умеет раскручивать бизнес. Это ваша проблема. Деньги придется вернуть. Единственное, чем могу помочь, это дать вам немного больше времени. Сейчас напишите заявление с объяснением ваших обстоятельств, и мы дадим вам, ну, скажем, три месяца отсрочки платежа. И снимем пени за декабрь и январь. Так вам будет полегче?

– Наверное. – Я смотрела на него, как кролик на великолепного сильного удава. – Правда, я не понимаю, где я через три месяца возьму пятьдесят штук.

– Во-первых, не пятьдесят. Это всего вы должны пятьдесят. А в месяц, – он заглянул через плечо пожилого клерка на бумаги, – в месяц восемьсот десять долларов. Это вместе с процентами. При необходимости мы можем растянуть немного сроки платежей, с тем чтобы в месяц вы платили меньше. Но не более чем на семь лет. А то за такое время у нас правящий режим уже может смениться. Надо вам пересчитать?

– Какая разница – восемьсот или семьсот. Все равно деньги запредельные.

– Ну и правильно. Чего там растягивать.

– Вы что – смеетесь? Я понятия не имею, где брать эти деньги.

– А вот на то, чтобы понять, где в ближайшие пять лет каждый месяц вы будете брать восемьсот десять долларов, у вас есть три месяца. Три. Вам понятно? Не думайте об этом прямо здесь. Поезжайте домой, выпейте, развейтесь. А потом и подумаете. – Он смотрел на меня, излучая в окружающее пространство мужскую силу и уверенность, заражая ею все вокруг, словно радиацией.

Я не смогла сопротивляться. Я отдала себя в его власть. Я была как кукла из любовного романа. «Космополитяне» меня убили бы за такой позор. Написала все нужные заявления, заполнила какие-то бланки и выкатилась на улицу, чтобы вспоминать о Нем весь оставшийся вечер. Думаю, что он не отвечал мне взаимностью. Думаю, что он провел вечер с какой-нибудь сногшибательной стройной красоткой, только что первый раз в жизни получившей паспорт. Потому что перед ТАКИМ открыты все двери.

Глава 4

О том, хорошо ли быть лягушкой в банке со сливками

Сказать, что я и все мои родичи были в шоке – это сильно погрешить против истины. Шок – это всего лишь состояние, из которого можно вывести человека, дав ему звонкую пощечину. Но даже если бы мне и маменьке набили физиономии, наставив синяков под каждым глазом, а потом еще отходили бы батогами – и это не вывело бы нас из того состояния ступора, в котором мы пребывали.

– Подлец твой Серега! – возмущалась маменька. Только заявление звучало банально. – Этот сраный лимитчик недостойн даже, чтобы в него бомж плюнул. Мариупольский ублюдок. – Тоже так себе высказывание, если не брать в расчет, что слова «сраный» и «ублюдок» в устах мамы – целое событие.

– Я жалею, что родилась! Лучше бы ты сделала аборт. – А этот хит вечера выдала уже я. Выдала и напилась в дым, вспоминая такого великолепного, но такого презрительно-недоступного банковского сердце-еда. Интересно, он там самый главный? Если нет, то как же должен выглядеть Самый?

Наутро стало ясно, что даже если я все три месяца проведу в тяжелейшем запое, мне это не поможет. Надо было делать выбор. Либо спиться уже окончательно, бросить семью и собирать по подворотням бутылки до конца жизни, либо искать бабки.

Не имея сил решить дилемму, я ушла из дому погулять, проветрить похмельные мозги.

Я гуляла весь день и, наверное, прогуляла бы и всю ночь, если бы любезный сотрудник милиции не предложил мне скоротать время в «обезьяннике» их отделения. И его можно было понять: бледная, расхристанная, с всклокоченными волосами, торчащими из-под ошибочно напяленной мною старой маманиной шапки. В глазах безумие, на губах оскал, в кармане ни копейки. Как только я вспоминала, что скоро меня попрут из родного дома, что муж меня бросил, что есть и одеваться нам не на что, так слезы новыми потоками лились из глаз. Иногда я садилась на лавочку и редела в голос. Ко мне подлетали прохожие, спрашивали, что случилось? Но я только продолжала реветь или огрызалась, и они уходили. Я вставала и шла дальше, чтобы согреться. Я ходила и ходила, пока окончательно не запуталась в темноте незнакомых районов. Там-то меня и сцапал патрульный. Ночь, проведенная в «обезьяннике», меня окончательно отвратила от варианта «спиться». Похабная матерщина ментов, адресованная то мне, то соседям по временному приюту, и вонь такая, что выворачивает наизнанку и тянет блевать. Между прочим, многие и не сдержали порыва. Это я вам точно говорю. Следов плохой работы желудка был полный «обезьянник». В общем, наутро приехала мама и подтвердила, что я Ольга Петрова, и меня отпустили. Вот тут-то я и поняла, что буду любой ценой искать деньги. Где и как – непонятно, но уж, конечно, не у кавказца Ваню. Я отмылась, отоспалась и поехала к Мотьке.

– Привет, что-то срочное? – спросила она, будто не понимала, за чем я. Видит бог, я не хотела это произносить, но пришлось.

– Скажи, Мотька, ты одолжишь мне денег?

– Сколько?

– Сколько сможешь. Все пятьдесят ты ведь не сможешь?

– Дурацкий вопрос. Понимаешь, Олечка. Я тебя очень люблю и все такое, но это! Одно дело – помочь тебе продержаться, чтобы ты с голоду не подохла. А совсем другое, выкупать из заклада твою квартиру. Я не потяну.

– Я, собственно, и не сомневалась. Но спросить я должна была.

– Я понимаю.

После этой эпохальной «встречи на Эльбе» я получила еще около десяти отказов. Потом я заметила, что на мои звонки не отвечают мобильники знакомых, причем на звонки из авто-

мата они отвечали прекрасно. И, наконец, большинство моих знакомых сообщили мне, что собираются в командировку.

– Я уезжаю, сейчас ничего не могу сказать. Позвони через два месяца.

Я усмехалась. Моя проблема не исчезнет и через два месяца.

Общий итог дружеских чувств, обращенных ко мне, в денежном эквиваленте выглядел так: четыреста долларов плюс пара обещаний. Плюс один, но очень дельный совет, который дал мне знакомый Паша Васьков, художник-неудачник, промышленяющий на Арбате продажей пародий на Ренуара. Денег он мне не дал, прямо объяснив, что они ему нужны и самому. Зато напоследок изрек:

– Оляка, твоя проблема решается как минимум наполовину. Я бы оценил твою хату как немерено дорогую. Центр, Китай-город, Покровка, трешка, потолки три метра, выглядит подходяще для обедневших дворян! Сдай ее. Она должна потянуть на большие деньги.

– А как ее сдать? – я была готова расцеловать его за такой правильный совет. Это вам не четыреста долларов.

– Обратись в агентство. Сейчас в Москве самое большое и раскрученное агентство – «Инкорс». Куча филиалов по всему городу. Я точно помню об одном недалеко от вас. Если поедешь по бульвару в сторону Рождественки, то доедешь за пять минут. Прямо рядом с Моспочтамтом.

Вот это да! Если только он не врет и наша квартира в цене, можно решить половину проблемы. Я помчалась в этот «Инкорс».

Конечно, найти агентство по такому описанию оказалось непростым делом. Во-первых, оно находилось не рядом с Моспочтамтом, а совсем в другой стороне, на Большой Лубянке. И я бегала полчаса по площади у метро «Тургеневская» и приставала к прохожим и продавцам киосков.

– Вы не подскажете, как пройти в агентство «Инкорс»?

– А какой адрес?

– Где-то около Моспочтамта.

– Ну, девушка, вы даете. Ничего себе, да здесь все рядом!

– Простите.

– Какое вам агентство? – наконец нашелся сердобольный местный.

– «Инкорс». Занимается квартирами.

– Это на Большой Лубянке. Идите по Рождественскому бульвару до перекрестка и увидите по левую руку.

– Огромное спасибо, – рассыпалась я в благодарностях и буквально побежала в указанном направлении.

Мне не терпелось узнать, сколько стоит сдать мою квартиру. Просто до ужаса не терпелось. Так не терпелось, что я чуть было не проскочила мимо двери с гордо развевающимся синим флагом, на котором значилось «Инкорс». Я застыла на месте так резко, что идущий следом пешеход с разлету наскочил на меня и упал на асфальт. С трудом поднявшись, он выматерился и пошел дальше, потирая локоть.

– Извините, – непонятно зачем пробормотала я и попыталась открыть дверь. Мне это не удалось. Я дергала ее и дергала, пока из дверей не вышел такой же секьюрити, как и в «Национальном стандарте», и сказал:

– Девушка, у вас что, глаз нету?

– Есть, – обиделась я. И добавила, показав рукой: – Вот они.

– Ну, спасибо. Сам бы я не нашел. Вот же бумажка – звонок. Как из деревни.

Я прошла внутрь и поймала себя на мысли, что дикари из племени секьюрити меня просто бесят. Тоже мне, командуют, как вздумается. А ведь их место похоже на будку кобеля на скотном дворе.

От этих мыслей мне полегчало.

Я поднялась по лестнице на второй этаж старинного дома. Лестницы были такими же бесконечными, как и у меня дома, но вот лифта тут не было. Дом-то всего из пяти этажей. По длинному белому коридору я просочилась к секретарской стойке. Вокруг деловито шныряли туда-сюда какие-то озабоченные люди в приличной и даже роскошной одежде. Все говорили по телефонам, кто по городским, кто по сотовым. Их речь вроде была русской, но понять смысл даже отдельных слов мне почти совсем не удавалось.

– Женщина, вы по какому вопросу? Женщина, я к вам обращаюсь.

– Ко мне? – вокруг меня была такая куча других, что я решила переспросить.

– Да, к вам. Вы по какому вопросу?

– По квартирному, – брякнула я.

– Это очевидно. А конкретнее? У меня и без вас есть дела. – Оказалось, что вежливость моей собеседницы имеет границы.

– Я хочу сдать квартиру.

– Нет проблем. Присядьте, я вызову эксперта. И дайте паспорт.

Я села. Все-таки, они действительно очень востребованы. Такая суета, столько всего. Обалдеть! Вот бы куда попасть работать, неожиданно пришло мне в голову. Но дальнейший разговор с красивой девушкой-экспертом в красивом кабинете показал, что это – идея из ряда утопических. Тут наверняка требовалось какое-то специфическое квартирно-юридическое образование. Девушка поведала мне о множестве подводных камней, готовых меня утопить, если я вздумаю заниматься сдачей квартиры самостоятельно. Главное, она сказала:

– Вашу квартиру, если описание верно, можно сдать за тысячу долларов. Та двушка, которая нужна, чтобы туда переехали вы, стоит примерно пятьсот долларов. Таким образом, ваша прибыль составит пятьсот долларов.

– Я согласна, мне только надо переговорить с родней.

Кстати, от этих слов у меня внутри вдруг все упало. Попробуйте переговорить с моей мамочкой о переезде в маленькую двушку на окраину города.

– Для этого требуется заключить договор. Мы берем комиссию в размере одного месяца оплаты.

– Тысячу долларов! – поразилась я. Каким же должен быть «навар» у этой роскошной девицы, если за мой вариант она заполучит разом штуку баксов! А ведь таких, как я, тут полный офис!

– Да. Но мы возьмем эти деньги со съемщика. Подумайте, почитайте условия и приходите. – Она протянула мне изящную визитку.

Находясь под впечатлением НАСТОЯЩЕГО бизнеса, а не какой-то там убыточной пиццерии, а также от потенциального дохода в пятьсот баксов, я решила прогуляться по бульвару до дома. Мне вдруг вспомнился тот великолепный Мужчина из банка. Сегодня он бы, наверное, не отнесся ко мне с таким презрением. Может, даже похвалил бы за сообразительность и деловитость. Я не спешила домой. Там была мама, которая еще не знала о переезде. И мне предстояло превратить ее в маму, которая переезжает. Нет, я решительно никуда не спешила.

Глава 5

О том, к чему может привести буйная фантазия

Итак, мы переезжали. Целую бурю обрушила на меня маман, когда поняла, как и чем мы будем гасить долги моего мужа-лимитчика.

– Где была твоя голова, когда ты выходила замуж за этого мерзавца?!

На этот вопрос ответ был очевиден. Там же, где и сейчас – на плечах. Но мама видеть этого не желала.

– Где была голова твоего отца, когда он отписал эту квартиру тебе!

По-моему, она как раз была на самом правильном месте. С другой стороны, если бы папулино завещание одарило квартирой маменьку, мы бы сейчас уж никак не оказались в таком жутком положении. Она не дала бы ни копейки моему муженьку.

– Как я буду учиться в какой-то задрипанной школе в Медведкове? Сними квартиру здесь. Рядом! – это Шурочка отреагировала на происходящее.

– Тогда нашей прибыли не хватит и на то, чтобы покрывать половину долга, детка.

– У меня здесь друзья. Я не поеду.

– Слава богу, к подобным вопросам ты не можешь иметь отношения. Право голоса относительно обстоятельств нашей жизни есть только у меня и еще, может быть, у бабушки.

– Я тебя ненавижу.

– Спасибо, детка. Надеюсь, что все же ко мне ты относишься чуть лучше, чем к отцу, который вынуждает нас на целых пять лет покинуть родные стены. – Это был, безусловно, удар ниже пояса. Шурка замолчала и проплакала весь вечер. Зато и возражений против переезда больше не высказывала.

Весь следующий месяц я провела словно бы в полубреду. Восемь часов февральско-мартовского мороза, приводящие меня в состояние угасания мозговой деятельности и атрофии нервных импульсов. Даже пошлые и однообразные словесные приставания Ваню не раздражали меня. Скорее они были мелкой деталью фона. Дальше магазины, где я старалась не потратить все, что получала (а получала я не так много, как вначале. Отказав Ваню в интимном взаимопонимании, я лишила себя всех премий и безголовых цветочков, так что уползала я строго с тремястами рублями), и галопом домой. Там с болью и содроганием показывала квартиру гражданам или иностранной, или бандитской национальной направленности. Наконец после целого месяца утомительных и противных показов один пожилой америкос, с трудом выуживая слова из разговорника, прошелестел:

– О'кей, я подходить этот апартамент. Я дать ваш прайс. Йес?

– Йес! – завопила я и побежала поить валокордином мою мамулю. Мне прямо не верилось, что вот этот дядечка будет жить в моем доме и ежемесячно за эту радость отваливать мне заветный шукарь.

Нам дали неделю. Прямо при просмотре роскошная девушка из «Инкорса» сунула мне под нос бумаги, тыча в них наманикюренным пальчиком.

– Это – ваш ежемесячный доход. Одна тысяча долларов ежемесячно. Сумма фиксируется на весь период. Это вам понятно? – обращалась она ко мне, словно я скудоумная.

– Ага, – шмыгала я еще красным от мороза носом. – А какой период?

– Год. Если всех все будет устраивать, продлите его сами простым дополнительным соглашением. Понятно?

– Ага.

Что такое простое дополнительное соглашение, я представляла смутно, а уж тем более, как мы сами его продлим с не говорящим по-русски Джонсом, я не понимала. Я не понимала даже, Джонс – фамилия это или имя?

– Вы должны через неделю передать квартиру мистеру Джонсу вместе с пустой мебелью, исключая тот список, что мы с вами согласовывали. Он приколот к договору. Понятно? – говорила она все более ласково и медленно.

– Ага, – снова пробубнила я. Про список я помнила. В нем было то, что мы могли увезти с собой. Нам удалось отбить один маленький телевизор, два огромных дорожных ковра (а перебьется по моим персидским коврам шаркать!) и бытовую технику. Кроме плиты и стиральной машины.

– Прямо сейчас мистер Джонс передает вам одну тысячу долларов под расписку, а вы ее отдаете мне, пятьсот под приходно-кассовый ордер в качестве оплаты вашей новой квартиры. Ага?

– Понятно, – сказала я, и через неделю мы оказались в обшарпанной двушке в Студеном проезде в Медведкове. Здесь плохо было все, кроме одного – до Матильдиной улицы Грекова было всего пять минут ходу. И до моей горе-работы тоже было близко, всего минут десять пешком. Но больше нас здесь не радовало ничто.

– Мам, тут тараканы, я их боюсь, – первое правдивое слово произнесла Анютка, которая сидела на чужом, выдавшем виды диване в «большой» комнате и прижимала к себе своего любимого плюшевого медведя.

– Тараканы – фигня. Тут в серванте целая гора презервативов. О, с клубничным запахом. Ой, нет, со вкусом, – веселилась Шурик.

– Какая гадость! Откуда это могло здесь появиться? – сморщилась маменька.

– Дремучая ты, бабуль. Такие хаты обычно для проституток снимают. А для них презики – это как орудие производства!

– Замолчите немедленно, – не выдержала я. – Нам здесь придется очень долго жить, так что первое, что мы сделаем, – проведем генеральную уборку этого сарая.

– Тогда нам нужно купить много «Комбата» от тараканов, «Фейри» и чего-нибудь дезинфицирующего, – разумно перечислила Шурка.

– Нет! Экономия во всем – вот наш девиз. Мне к тем пятистам баксам, что получают с квартиры, надо прибавить еще триста десять неведомо откуда берущихся других. И еще на что-то жить. Так что единственное, на что я согласна, – хлорка отечественного производства, тем более она ОЧЕНЬ эффективна. И хозяйственное мыло.

– Ну да. От отечественной хлорки дохнет все. Включая нас.

– Мы – нормальные российские мутанты и выдержим это. Шурик, я тут видела недалеко хозяйственный магазин. Марш в него.

В общем, через неделю житья выяснилось, что бачок в туалете не работает, на кухне течет кран, а душевой шланг – чистой воды бутафория. Да, и на стенах ванной комнаты какая-то то ли плесень, то ли грибок. Из паркета выпадают части и, видимо, уже давно, так как в прихожей из-за этого сформировалась целая яма. Такой небольшой провал до самой стяжки. Апофеозом этого грязевого потока новостей стало сообщение соседей о том, что эта квартира в прошлом году горела.

– Да... Не так чтоб сильно горела... До нас не достало, слава богу, хотя мы и примыкаем. Но вот балкон сгорел весь. Да...

– Какой кошмар! – ужаснулась я.

– В горелых квартирах навсегда остается плохая аура. Я не могу здесь жить. – Откуда маман откопала паранормальное слова «аура» – мне неизвестно.

– Будешь. Второго переезда в ближайший год я не переживу. И больше ни слова! – Я была непреклонна. Мама посмотрела на меня внимательно и передумала падать с сердечным приступом.

– Да... А еще, помню, выгорела вся проводка и окна. Проводку-то заменили, а вот на нормальные окна денег у Кондратьевны не было. Она-то с пятиэтажки подрала, какие были, и сюды поставила. Да... – продолжал откровенничать сосед.

– Как это – подрала? А жильцы что, так прям и отдали?

– А жильцов у нас тогда уже выселили. Вона, видишь, дом новенький. Его на месте тех пятиэтажек недавно построили. В общем, с них Кондратьевна окна-то и содрала. И ничего, стоят до сих пор. Уже почитай два года! – поразился он.

Я наконец поняла, почему это окна со стороны балкона так странно досками обиты по периметру. И почему в квартире такие жуткие сквозняки. Ну и Кондратьевна! Ведь ни слова не сказала, гадюка, когда годовой контракт подписывала. Пришлось вызывать подмогу и переконпачивать окна заново. Хоть и конец зимы, а до весенней оттепели мы можем и не дотянуть.

Наконец, после умопомрачительного месяца проживания в нашей хатке настал день, когда я снова отправилась к Джонсу за деньгами. Джонс был мил и любезен, пустил в квартиру, вернее, только в прихожую, сунул конверт и готовую расписку. Я пересчитала зеленые купюры, черкнула подпись и оказалась на лестнице. Я смотрела на захлопнувшуюся дверь собственной квартиры. Вдруг мне стало тяжело дышать. Я села на ступеньки и заревела, утираясь шарфом.

– Ну неужели я должна буду жить в той халупе целых пять лет! Я не смогу. – Господи, как хотелось, чтобы сейчас, как в детстве, из лифта вышел папа, подошел ко мне, взволнованно погладил бы меня по голове и сказал:

– Ну что же ты, детка, расстраиваешься? Я все решу, тебя завтра же поселят обратно. Пойди, купи себе пирожное.

Эх, мечты, мечты. Папа уже много лет как покоится в колумбарии Ваганьковского кладбища, престижном месте последнего упокоения. И мне пришлось утереться и отправиться восвояси, то есть в Студеный проезд, где меня уже ожидала Кондратьевна. Мы с нею немного полаялись из-за всех деталей жилищного суррогата, который мы превратили в дом за свой многострадальный счет. Она степень своей вины осознать отказалась, но согласилась на компромисс. Пятьдесят долларов из пятисот остались в моем кармане в качестве разовой компенсации за потрясение, остальные четыреста пятьдесят перекечевали в ее карман навсегда, и мы мирно распрощались до следующего месяца. Приближалось первое мая – конец моей вожденной банковской отсрочки. И я решила не ждать и поехать оплатить задолженность прямо на следующий день, пока у меня не украли деньги или пока я их не пропила. Чего ждать-то, когда на дворе пятнадцатое апреля. Все равно ведь не отвертишься.

Я выковыряла из заветной шкатулки еще триста зеленых, из числа тех самых эквивалентов дружбы, что надавали мне самые мягкосердечные из моих знакомых. Те, что не смогли набраться смелости и послать меня подальше. Господи, как же мне жалко денег! Ради этой кучки «зеленых» я уже месяц сплю на детской кушетке в кухне, чтобы и у деток и у маменьки было по привычной комнате. Как же я отдам заработанное такими лишениями в чужие равнодушные руки кассиров? Я и правда чуть не рыдала, пока ехала на Бауманскую. В Аптекарском меня встретил все тот же (а может и другой, но очень похожий и с таким же выражением лица) секьюрити. Он долго обнюхивал меня, обмахивал палкой-металлоискателем и прикидывал: достойна ли я пройти внутрь.

– Хорош выделяться. Я клиент банка, не задерживай, халдей. Вызови Никоненко! – рявкнула я на него и потому, что он меня бесил и злил самым ужасным образом, и потому, что день был такой, звезды так легли.

Он онемел. Видимо, мой вид, который уже пару месяцев как не был ухоженным и респектабельным, мягко говоря, контрастировал с тоном и смыслом слов, что я излагала. Ну вот захотелось мне его на место поставить, что же, совсем лишать себя простых земных радостей?

– Секундочку, – прошептал он и вдавился внутрь.

Я расправила плечи. Будет знать! Я привезла сюда восемьсот долларов США, да он передо мной ковровую дорожку должен расстелить. Ну и что, что я в заляпанном дорожной грязью пальто и в старой шапке. Подумаешь, не покрашена. А времени нет! И на то, чтобы почистить сапоги, сегодня времени тоже не нашлось.

– Прошу вас, проходите. – Как он переменялся! Прямо льнет, двери открывает.

– К кому мне пройти? К Никоненко? – Так звали ту худенькую девушку, которая была моим персональным менеджером.

– Да-да. Она уже ждет вас.

– Спасибо, – церемонно раскланялась я с ним и зашла.

Банк сиял все той же роскошью и мрамором. В лучах многоточечного света бродили с безмятежными лицами сотрудники. Навстречу мне, улыбаясь, плыла Никоненко.

– Добрый день, как ваши дела? Мы вас не ожидали так рано.

– Спасибо, все плохо. Но деньги на этот месяц я нашла. Поэтому давайте оплатим долг, чтобы не скапливались никакие штрафы.

– Конечно-конечно. Пойдемте к операционистам.

Я расплатилась, передав все мои зелененькие денежки внутрь безликого затемненного окна, похожего на обменник валюты. Оттуда мне выплюнули ворох каких-то бумаг на подпись. Я покорно расписалась, мне дали пару листочков с банковской непереваемой абракадаброй и квитанцию.

– Спасибо, до встречи через месяц. Кстати, вы можете платить по первым числам, так что ориентируйтесь на первое июня.

Такое чувство, что все, даже самые рядовые, сотрудники «Национального стандарта» были в курсе моих проблем. Я побрела к выходу. Внезапно впереди, на лестнице, ведущей из операционного зала в зону руководства, я увидела ЕГО. Он, самый великолепный мужчина из всех, кого мне только приходилось видеть и наяву и во сне, стоял, лениво облокотившись на перила, и, улыбаясь, болтал с соответствующей красоткой. Они явно флиртовали, потому что она все время придурочно улыбалась и отводила свой взгляд, а он, напирая, все время норовил что-то прошептать ей на ухо. Его пиджак был расстегнут, галстук развязан, а сам он был взъерошен и, очевидно, возбужден этой развратной дрянной красоткой с длинными ногами, торчащими из-под короткой, недопустимо короткой для делового места, юбки. Я прямо побагровела, до того она мне не понравилась. А может, мне было просто жарко во всех моих пальто, шапках и рейтузах. Вдруг я почувствовала на себе его взгляд и остолбенела. Он прищурился, явно пытаясь вспомнить, откуда он меня знает, и вдруг пошел ко мне.

– Вы Ольга Петрова, верно?

– Да уж, не слишком редкое сочетание, – зачем-то проблеяла я и пришла в полный ужас оттого, что так ужасно выгляжу. Это я-то, которая тратила часы и годы, чтобы упаковать свою косу в роскошный веночек вокруг головы. Сейчас волосы были собраны в простой конский хвост и торчали неопрятно из-под шапки и из распахнутого пальто. Сапоги грязные, глаза, хоть и большие, но не покрашенные и заспанные, а под пальто видны отвратительные рейтузы и длинный мешковатый свитер. Да я ужасна! Какой стыд, что он на меня ТАКУЮ смотрит! Он же станет меня презирать, он же побрезгует прикасаться ко мне, даже случайно! Я же как тетка с рынка. О чем я? Да я ведь и есть тетка с рынка, одна из тех, кого никогда за людей не держала! Караул!

– Как ваши дела, Ольга Петрова? – спросил он, улыбаясь.

– Нормально.

– Нашли деньги? Начали платить?

– Да.

– Вот и прекрасно. И не стоило так горько плакать тогда. Три месяца вам смогли помочь, как я понимаю!

– Да, очень. Мы сдали квартиру и половину долга сможем выплачивать по-любому. – Какая же я дура, зачем же я оправдываюсь перед ним?!

– Я очень за вас рад. Надеюсь, что у вас все наладится. Держите меня в курсе, ладно?

Боже! Он мягко и нежно мне улыбнулся и прикоснулся к руке. Я таю, таю, таю...

– До свидания!

– Да... – Он повернулся и пошел в сторону треклятой финансовой красотки. Я запаниковала и хочу думать, что только от этого ляпнула ему вслед:

– А как вас зовут?

– Что?

– Ну, вы сказали держать вас в курсе. А как вас звать, я не знаю. – Какой идиотизм! Где моя женская гордость? Ну вот, он усмехнулся!

– Меня зовут Руслан. Возьмите мою визитку и звоните, когда захотите сообщить о своих делах... – Он еще раз усмехнулся и ушел, оставив меня с распахнутым ртом и куском картона в руке.

До дома я доехала, мечтая только об одном – отмыться и отчиститься, отстираться и нагуталиниться так, чтобы навсегда забыть о сегодняшнем позоре. А для полной реабилитации на вечер вызвала Мотьку меня утешать.

Дома я послала ко всем чертям детей и мамулю. Запершись в ванной, я принялась поэтапно наносить все лечебно-косметические средства на лицо и тело так, словно вечером меня гарантированно ждало эротическо-порнографическое свидание. Распарившись и докрасна натеревшись скрабом, я нанесла на лицо омолаживающую маску и изготовилась валяться в пенной воде положенные двадцать минут. Глаза мои невольно закрылись, и я унеслась в какую-то сказочную полудрему, из которой все отчетливей проступало ЕГО лицо, ЕГО руки, ЕГО смех. Он теперь не был для меня безликим представителем банка.

– Руслан, какое хорошее у тебя имя. Руслан! Мне очень нравится.

– И, между прочим, исконно русское, а вовсе не кавказское, как сейчас все думают, – ответил он мне в моей грезе.

– Ну да, еще же у Пушкина... – Я была в удачно обтягивающем меня длинном черном бархатном платье, с тонкой длинной сигаретой в руке. Волосы распущены и окутывают меня, делая похожей на лесную русалку или средневековую ведьму. Или на античную жрицу любви. На губах обжигающе-красная губная помада. Рот чувственный и влекущий. Я вся источаю соблазн. Я – есть запретный и манящий плод.

– Как ты прекрасна. Я не могу жить без тебя, дышать без тебя.

– Подойди ко мне. Поговорим.

Я его дразню, протягиваю ему руки, позволяю к ним прикоснуться. Он обхватывает мои ладони и целует их с внутренней стороны. Я смотрю на него в упор. Наблюдаю, как он теряет над собой контроль.

– Будь моей, прошу, – шепчет он, обнимая меня за плечи. Вдруг хватает на руки и начинает кружить, целуя в декольте. Я хохочу.

– Что, хочешь меня, животное? Пошел прочь.

– Никогда. Ты теперь не вырвешься, не сможешь меня покинуть. – Он бросает меня на огромное мягкое ложе и с силой держит за руки. Я, соответственно, извиваюсь под ним, постанываю и возбуждаюсь.

– Отпусти меня, прошу!

– Нет, ни за что. Ты моя, и я сделаю с тобой все, что захочу!

Я начинаю стонать под ним, он раздирает мое платье, рыча и бледнея.

– Ты моя. О, как я счастлив.

Я лежу в одних трусиках, распластанная и беззащитная. Он целует мою открытую трепещущую грудь и мурлычет от удовольствия.

– Я так хочу тебя, что не могу больше сопротивляться. Позволь мне...

– Все, что хочешь, – кричу я и выгибаюсь ему навстречу.

Внезапно из-за его спины появляется банковская красотка и два неизвестных мне мужика, похожих на викингов с обложки любовных романов. Они хватают меня и пытаются изнасиловать. Я рыдаю и смотрю на Руслана, который в это время целуется с этой дрянью.

Стоп! Мои эротические фантазии завели меня совсем не туда. Я вынырнула из-под воды и отдышалась. Что это со мной случилось? Меня что, возбуждает групповуха? Кажется, без скорой психиатрической помощи Матильды уже не обойтись.

Она приехала вечером и привезла с собой торт. Она всегда возит с собой вкусные тортики для установления взаимопонимания и атмосферы доверия. Меня от них уже тошнит, но что делать? Хочешь Мотьку – получай тортики.

– Что за проблемы? Неужели на тебя умудрились обрушиться еще какие-то несчастья?

– Да нет, Мотька, беды все те же.

– Ладно, тогда давай ставь чай.

– Слушай, у меня начались какие-то странные эротические фантазии.

– Что, лесбийские?

– Хуже. В моем банке...

– В твоём? – подняла она бровь.

– Ну в том, где я должна денег. Там есть мужик.

– Ты что, влюбилась? Да, блин, самое время.

– Не в этом дело. Ну ты же психолог. Помог. Сегодня в ванне я о нем мечтала.

– Ненаказуемо. Хотя мне в детстве говорили: будешь много мечтать – не будет детей.

– Что ты несешь?

– Мастурбация – не выход из положения.

– Да прекрати же ты, наконец. Короче, вместо того, чтобы помечтать о нем и успокоиться, я домечталась до того, что меня грязно насилюют два (ДВА!) огромных самца прямо на глазах у Руслана.

– Это тот кадр из банка? – деловито переспросила Мотя. Она явно включилась в процесс и начала исполнять психиатрический долг.

– Да. А он на это смотрит и целует другую. Роскошную длинноногую красотку, тоже из банка.

– Нормально.

– Что это значит? Я что, становлюсь мазохисткой?

– Вообще-то мазохизм в эротических фантазиях считается полной нормой, если, конечно, ты не жаждешь, чтобы тебе по-настоящему расквасили нос. Хочется?

– Нет, что ты.

– Ну и расслабься. Просто с твоим Сергеем у тебя, видимо, вообще не было фантазий. Вот и отвыкла за двенадцать-то лет.

– Что, значит, со мной все в порядке?

– Нет, конечно. У тебя за последнее время серьезно пострадала самооценка и саморасположение в системе ценностей.

– Чего?! – Вот она замудрила, гадюка.

– А того. Ходишь как чучело, работаешь на рынке, ешь дерьмо, не красишься. Вот и перестала считать себя женщиной. А попался на пути красивый мужик – тебя и шарахнуло. Увидела со стороны все свои изменения.

– И что делать?

– Ну, можно работать с самооценкой, но это сложно. За собой следить, насколько я тебя знаю, ты теперь снова примешься. А проще всего завести мужика. Не эту цацу из банка, он, конечно, недоступен.

– Почему?

– Слишком крут. Да и негде вам встретиться. Сегодня была случайность. А много ли в жизни случайностей? Но обычного хорошего мужика с потенцией я тебе найду. – Мотька говорила об этом так, словно надо было подобрать мне юбку по размеру. Ее интонации мамыши, когда она решала обо мне «позаботиться», всегда меня пугали.

– Не надо мне никого искать.

– Да брось ты, не стесняйся. Почему это баба в твоём возрасте должна быть одна?

– Но я не хочу никого искать. Может, мне еще объявление дать? Да от меня Серый только ушел.

– Ладно, не дергайся. Не хочешь – не надо.

Но я знала, что ее теперь не остановить. Мне обеспечена чередой потенциальных любовников. Ну и черт с ними. В одном Мотька права. Пока я работаю на рынке, продавая цветочки Ваню, я опускаюсь все ниже, и предел наступит очень скоро. Когда я, например, за лишнюю сотню примусь с Ваню спать. Так что надо срочно что-то менять. Надо найти такую работу, чтобы я могла чувствовать себя человеком, специалистом.

– Мотька, а может, мне попробовать устроиться на работу в агентство недвижимости?

– Какое?

– Ну в «Инкорс», например.

– Так тебя и возьмут.

– Я сейчас в таком состоянии, что меня куда хочешь возьмут. Себе дороже, – приободрила я себя и на следующий день позвонила в «Инкорс».

И первым чудом было то, что меня не послали подальше сразу. Оказалось, кое-какие вакансии, помимо уборщицы, у них есть. Например «стажер в отделе вторичного жилья». Что это такое, я не поняла, но название меня вполне устроило. А зарплату обещали хоть и сдельную, но от трехсот долларов на первое время. Звучало это шикарно. И я, памятуя отвратительную самоуничижительную фантазию, решила во что бы то ни стало перестать работать на рынке. Уважение к себе дороже!

Глава 6

О том, что не так страшен черт, как его малюют

Конечно, не очень-то порядочно было так вот просто на ровном месте бросить Ваню на произвол судьбы. Бегом залетая в метро, я так и видела, как Ваню разбирает и раскладывает цветочки, любовно поливая их водой с блеском. Вообще, все эти бойцы рыночного фронта не так плохи, как нам – высокомерным столичным жителям – кажется. Во всяком случае, нам бы не помешала некоторая доля их работоспособности и умения тщательно отрабатывать каждую мелочь. Да и способность ценить каждый рубль у них в крови. Но вот их эротическое недержание вне комментариев. Нормальной бабе с ними рядом и полминуты не устоять. Именно из-за воспоминаний о нашей сексуальной борьбе, так измотавшей меня, я и не пошла к Ваню попрощаться. Не сказала, что увольняюсь, предоставив ему сначала понять, что я опоздала, потом – что не пришла вообще. А где-то дня через три-четыре выяснить, что я, по-видимому, уволилась. Гадко, конечно, а что делать? Немыслимо было вытерпеть все его сальные уговоры остаться, с объятиями моей довольно обширной талии, слюнявые обещания большой зарплаты, после которых надо полчаса отмываться в рыночном туалете.

Я ехала на «Тургеневскую» красивая, одетая в тщательно отглаженные брючки и блузку, покрашенная и причесанная. Так уж устроена жизнь. Я в пуховике и коричневом бабушкином платке – это для Ваню и его рынка. Я в костюмчике и красивом весеннем пальто – для «Инкорса» или, если бы было возможно, для Руслана. Но для этого сначала придется укокошить его кукольную длинноножку.

– Следующая остановка – «Тургеневская», переход на станцию «Чистые пруды», – прогнусавила автоматическая женщина. Я дернулась. В полдевятого утра в московском метро не так-то просто пролезть к выходу, особенно если двери уже «закрываются».

– Женщина, что ж ты так толкаешься? Заранее надо готовиться!

– Заранее я готовлюсь только на свидание. Пропусти, будь человеком, – я выдавилась из вагона и поползла среди общей толпы к эскалатору. Что же останется от моей прически после такой зарядки?

Офис «Инкорса» спал. То есть совершенно не подавал признаков жизни. Двери были плотно закрыты, «говорилка» на стене молчала. Я растерялась. Да, я пришла раньше на полчаса, и что? Мне мерзнуть тут под дверью, пока не придет какая-нибудь заспанная уборщица?

– Что вы хотели? – просипел вдруг домофон.

– Ничего, – от неожиданности отрапортовала я.

– А чего звонишь?

– А мне Быстрицкую.

– Кого?

– Может, вы меня сначала впустите?

– Мы еще не работаем.

Какой гад! Просто издевается над женщиной.

– А мне холодно. Я приехала на собеседование и обязательно расскажу, как вы обращаетесь с новыми сотрудниками!

– Заходите, – смилостивился охранник.

Дверь запикала, и я вошла внутрь. Однако мне пришлось еще долго подпирать стены в узком коридоре, по нелепости выполняющем роль приемной. Мы выяснили отношения с охранником, он оставил меня и ушел, пообещав вызвать из приемной сразу, как только в офис придет Быстрицкая. Но в девять Быстрицкая не пришла. В девять «Инкорс» был так же тих и спокоен, как и в восемь. Где-то в недрах помещения спал охранник. И все. Только к половине десятого пришло секретарша. Она нахмурилась, увидев меня.

– А вы что здесь делаете, женщина? У нас прием с десяти.

– Мне Быстрицкая сказала, что вы работаете с девяти. Мне на собеседование.

– С девяти у нас работает только дежурный отдел. Сегодня это «Сокол». А Быстрицкая приходит обычно к одиннадцати. Что, кстати, нарушение той самой трудовой дисциплины, которой она всем плешь проела.

– А вы на нее донесите руководству, – лягнула я. Да уж, язык мой – враг мой. Мозг подключается к процессу уже потом. Девушка нахмурилась и посмотрела на меня с подозрением.

– Я не стукачка. И это просто болтовня.

Похоже, она испугалась, что это я побегу докладывать о ее словах руководству. Ну я прям молодец! Начала налаживать отношения в новом коллективе.

В тоске и изоляции я просидела до двенадцати часов. Как-то не очень спешила на работу эта Быстрицкая. Когда она меня наконец вызвала к себе, я уже была на сильном взводе.

– В отдел кадров кто?

– Я! Уже три часа как я.

– Извините, у меня было производственное совещание. – Лениво отмазалась от меня неравномерно полная женщина лет сорока с радикально молодежной гривой бордового цвета. Интересно, сколько хны и басмы она погубила, чтобы заполучить подобный колор.

– Ничего-ничего, – приторно просюсюкала я.

– Вы у нас хотите баллотироваться на стажера во «вторичку»?

– Я не очень понимаю, что значит – «вторичка». По правде говоря, слово «баллотироваться» сюда я бы тоже не применяла. Но на вкус и цвет...

– Это отдел вторичного жилья.

Можно подумать, что так понятнее. Я продолжала вопросительно смотреть на Быстрицкую.

– Отдел, работающий... Короче, не с новостройками. Размены, купли-продажи, расселения. И все такое прочее.

– Спасибо. Звучит заманчиво.

– Да уж. – Мы пришли в ее кабинет, больше похожий на телефонную будку из-за своих габаритов.

– Присаживайтесь, – сказала она.

Я попыталась присесть, что далось мне с трудом, поскольку я была задумана Создателем явно для других помещений.

– Представьтесь, пожалуйста. – Она поджала губки.

– Ольга Николаевна.

– Фамилия?

– Петрова.

– Очень приятно, – сказала она так, что было понятно, что знакомство со мной ей совсем не приятно. И даже наоборот.

– Эльвира, простите, не знаю вашего отчества, позвольте спросить, что именно нужно, чтобы стать маклером-стажером?

– Меня можно называть просто Эльвира.

Ну конечно, ведь при такой прическе она считает себя примерно двадцатилетней. Зачем в таком возрасте отчества?

– О'кей. – В конце концов, мне без разницы. Эльвира так Эльвира. Да хоть Глюкоза, только бы проблем мне не создавала в дальнейшем. На всякий случай я по-доброму улыбнулась и посмотрела на нее одним из своих фирменных пронизывающих взглядов. Она прониклась и уткнулась в свои бумажки. Сколько волосы ни крась, таких серых и глубоких глаз, как мои, не купить нигде. И мой вес хоть и стремится к восьмидесяти, но плавно распределен по ста семидесяти пяти сантиметрам роста. Поэтому делает меня женственной и вполне стройной

женщиной с круглой симпатичной попой, высокой грудью, с талией и почти плоским животом. А уж длинные стройные ноги, округлые бедра... В общем, ей с ее висящим животом давно и безнадежно беременной женщины, с ее толстыми руками и висящими грудями, с ее жалкими попытками компенсировать рост и возраст огненной гривой – было очень далеко до меня.

– Вы будете стажером при опытном маклере. В ваши обязанности будет входить исполнение его поручений, помощь в его сделках и все, что он еще скажет. Он будет вас учить и объяснять, зачем вы делаете то или другое. – Эльвира явно скучала.

– А кто мне будет платить? И сколько?

– Он и будет. То есть, конечно, платить вам станет агентство, но из его договоров.

– Ага. Понятно! – Но на самом деле мне мало что было понятно. А где собеседование, где проверка моего соответствия высокому статусу менеджера? Если я правильно поняла: для того, чтобы получить это место, мне хватило моего общегражданского паспорта. В таком случае, в чем наколка, как говорят в народе? – А вы что, на эти места всех подряд берете?

– Почему? – потеряв всю свою официальность, оторопела Эльвира.

– Ну как. Вы у меня ничего не спросили, кроме паспорта. Странно как-то.

– А, это? Ну в общем-то вы правы. Места стажеров всегда свободны. Работа это тяжелая, из десяти-пятнадцати стажеров в маклерские группы переводят одного. А там из десяти переведенных реально с клиентами общий язык находит один. А ведь этому не научишь. Ну, документы и прочее вам ваш куратор в голову вложит, если вы будете любознательны. Оценка и подбор – это все по базам. А вот будут с вами работать люди или нет – это от Бога.

– Поэтому вы берете всех подряд? – разочарованно протянула я.

– Как бы да. Нужно только российское гражданство, чтобы не иметь проблем с КЗОТом. А в остальном все зависит от вас. Ваш куратор – Александр Лукин.

– Он хороший маклер? – поинтересовалась я.

– Очень. По крайней мере, показатели отличные, план всегда перевыполняет. Можете подождать его в отделе. Я вас провожу. И еще, попозже сделайте копию паспорта для меня. Через несколько дней я подготовлю договор с вами.

В отделе, несколько более просторном помещении, нежели будка Эльвиры, царила тишина. За компьютером, установленным в углу, сидела одетая в трикотажный костюм девушка с пышным хвостом. На мое появление она не отреагировала никак, а больше в отделе никого не было. Лукина тоже не было, очевидно, в этой фирме никто не напрягался насчет трудовой дисциплины. Времени-то уже было под час дня. А может, они просто сразу пошли все обедать? А что, хорошая привычка. Выспался, неторопливо собрался, оделся, спокойно доехал, дошел до конторы, заглядывая по пути в магазинчики. Пришел – и сразу в столовую. Если хорошо посидеть, можно досидеть до вечера. Только как-то все это не вяжется со сделкой с оплатой в процентах, которая здесь у всех, как мне объяснили.

– Добрый день! – решила я наладить контакт в коллективе и обратилась к изваянию у компьютера.

– Угу, – последовала какая-то нулевая реакция.

– Я новичок, стажер к Лукину. Меня зовут Ольга... А вас?

– ...Света, – раздалось через полминуты.

– Я вас отвлекаю? Извините.

– Ничего. Просто дождитесь Лукина и отвлекайте его. А у меня много дел, – пробубнила девушка.

Я заткнулась. Доброжелательностью тут и не пахло. Интересно, у них все такие? Ладно, переживет девушка Света, если я ее еще разок дерну.

– Милая девушка, извините, что отрываю вас от важных дел, но, поскольку обратиться тут больше не к кому, придется к вам. Придется, и поверьте, для меня это так же неприятно, как и для вас! – Вот черт, что это я несу? Ну конечно, она вытаращилась, как будто увидела

привидение. – Я никогда в жизни не видела Александра Лукина, поэтому не смогу его сама опознать. И чтобы мне не просидеть здесь впустую до завтра, не могли бы вы мне помочь его узнать? Если вас, конечно, не затруднит. Но если затруднит, только скажите, и я пойду доставать кого-нибудь другого. Найду в коридоре. Или здесь только избранные знают господина Лукина в лицо? – Да... Остапа несло. Девушка покраснела. Кажется, сейчас, Киса, нас будут бить по лицу.

– Извините. Я не хотела вас задеть. Просто стажеров у Лукина перебивало много. И всегда, когда его нет, они достают меня.

– Понимаю вас. – Надо же, не дерется. Интересно, какая именно часть моего грубиянского монолога ее так проняла, что она вдруг заговорила по-человечески?

– Он придет после двух. Он высокий и полноватый.

– Как я? – не удержалась и опять съязвила я.

Девушка Света хихикнула.

– Он похож на Олега Табакова.

– Так талантлив?

– Нет, просто такой же рыхлый и круглый. Но гораздо противнее.

– А мне сказали, он прекрасный маклер.

– Ха! Ну, я не хочу сплетничать. Показатели у него хорошие, только это не главное.

– Почему?

– В чем главная задача маклера?

– Не знаю. Я же новенькая.

– А вы вообще что-нибудь про эту работу знаете? Зачем вы сюда пришли?

– Чтобы не работать на рынке, – честно ответила я.

– Вы работали на рынке? – с недоверием осмотрела меня с ног до головы Светик.

– Да, но только из-за крайне тяжелых жизненных обстоятельств. Вовсе не по велению сердца.

– Понятно. Да, крайние обстоятельства бывают у всех. Что, муж бросил?

О господи, на мне что, это написано? Кошмар!

– Как вы догадались? Это что, так заметно?

– Просто только эти двуногие козлы без сердца могут подставить приличную женщину так, что она пойдет работать на рынок.

Света явно знала, о чем говорит. Я вдруг прониклась к ней каким-то теплым чувством.

– Скажите, чем так плох Лукин?

– Ой, Оля. Вот как раз и он. Знакомьтесь. Это ваш куратор. Саша, это Ольга, твой новый стажер.

– Очень приятно, – кивнул в мою сторону действительно очень рыхлый, щекастый и круглозатый молодой человек в явно дорогом костюме. Кивнул и тут же выкинул меня из головы. Около десяти минут он оживленно обсуждал с кем-то по мобильному телефону какую-то квартиру. Потом сел за компьютер и застыл, щелкая кнопками. Я подошла к нему.

– Простите, я ваш новый стажер.

– Да-да, очень мило. Это очень кстати.

– Мне сказали, что вы будете меня учить.

– Но не сегодня. У меня очень много дел. А вы можете пока сделать доверенность. Завтра вы отправитесь в жэк.

– Я? – вот это круто. С места в карьер. – А что я там буду делать?

– Как что? Справки брать. – Он обернулся и стал разглядывать меня, словно перед ним насекомое.

– Какие?

– Господи, вы что, вообще не понимаете ничего?

– Ни-че-го-шень-ки, – подтвердила я.

– Ладно. Все не так плохо. В жэке вы возьмете справки по моему списку. Главное там – отстоять очередь. Вы справитесь. Сейчас с паспортом идите в пятый кабинет, там сидит нотариус. Пусть он сделает вам доверенность. Вот адрес и данные.

Я не трогалась с места. Информация казалась мне недостаточной.

– Идите! – он начал раздражаться.

Я пошла, лишь бы он отстал. Потыркалась по кабинетам и нашла нотариуса. Я лично была уверена, что нотариус – персона очень важная и недоступная. А тут вокруг щуплого дяденьки моих лет крутились маклеры и секретарши, все чего-то у него спрашивали, спорили с ним. А он только потирал лоб и пытался их всех перекричать.

– Вам чего? – наткнулся он на меня взглядом.

– Мне доверенность.

– Давайте.

– Чего?

– В каком смысле?

– Чего давать?

– О боже! Давайте паспорт. Не видите – у меня сделка идет.

Я сунула ему паспорт и листок с чьими-то неведомыми адресами и фамилиями и откланялась. Так вот как выглядит сделка! Больше похоже на дурдом. Пойду подостаю Лукина, может, еще чего интересного узнаю.

Ничего интересного я не узнала. На следующий день я потащила в жэк в Кузьминках. Это было страшно далеко от Медведкова, и когда я, отстояв час в бочке апрельского народа в собственном соку, выперлась на платформу, оказалось, что Волжский бульвар, 18 – место, весьма удаленное от метро. Дядя милиционер на мой вопрос вяло махнул рукой куда-то в сторону дворов за Волгоградским проспектом. В общем, он сказал – поехали и махнул рукой. Я и пошла. Все-таки хорошо, что на дворе весна и получасовое топание в не слишком определенном направлении можно спокойно классифицировать как приятную прогулку. Иначе мое настроение было бы сильно подпорчено метанием между обшарпанных пятиэтажек в поисках долбаного жэка. Но то, что происходит в стенах нашего органа управления жилыми фондами, на что-либо приятное претендовать не могло. На простой вопрос: «Кто последний?» – я получила разнообразные и многовариантные ответы.

– А вам куда?

– В паспортном за четвертое окно – третье. Вам в третье?

– По субсидиям за мной будете!

– Девушка, после обеда очередь будет другая. На всякий случай лучше составить список.

– Мне за справками! – вставила я.

– Мы все за справками, – грустно ответил хор.

– И только не рассказывай, что у тебя дома дети грудные орут. Не пушу без очереди.

– Да я и не собиралась. Я просто не знаю, куда мне... – Я уже готова была разрыдаться.

Чего они на меня все набросились?

– Дочка, тебе какие справки нужны? – раздался тихий шепот снизу.

Я скосила глаза. На лавочке у стены сидел и смотрел на меня внимательными спокойными глазами дедуля.

– Мне... сейчас... – Я вывернула нутро сумки и извлекла бумажку Лукина.

– Выписка и фин. – лиц. счета. А еще справка об отсутствии задолженностей.

– Эге... Тебе во все окна. Дай адрес посмотреть... Так. Финансовый счет дают в окне около входа. Вон там.

– Не вижу, – сощурилась я.

– Вон же, между бабкой в сером драном пальто и риэлторшей.

Я разглядела амбразуру дзота на стене, в которую всем телом пыталась пролезть девушка в ботфортах. А бабуся в драном пальто ее оттуда молча, но настойчиво выпихивала. Из амбразуры неслось:

– Что вы шепчете? У нас общая очередь! Отойдите.

– Правильно. Ишь наглая!

– А почему вы решили, что это риэлторша? – поинтересовалась я, глядя на коллегу. Интересно, почему ей в магазине не объяснили, что высоченные сапоги на коротеньких полных ногах смотрятся вульгарно и пошло. Если не сказать больше.

– Да в жэках только они так нагло лезут. И ведь сколько раз смотрю – всегда ведь пролезают. Вот! Гляди, идет прямо в кабинет. А в пакете наверняка бухло с конфетами. Черт с ней!

– А выписку из домовой книги, дедуля? Где ее брать?

– В паспортном столе. Это окно за углом. Пойдешь по коридору, завернешь и увидишь еще одну толпу. Там спроси, кто в первое окно последний.

Я ошалела. Простая задача получить три справки вылилась в многочасовую выматывающую работу. В паспортном столе тоже было окно-амбразура, изрыгающее крик и плюющиеся отказы.

– У вас нет квитанции за свет. Без нее не принимаем.

– Но нигде не написано!

– Что! Да вы читать не умеете. Сверху доски объявлений!

– Может, поможете? – жалобно заскулил отстоявший очередь боец.

– Не имею права. Следующий! По доверенности принимаем только с копией.

– А где ее сделать?

– Это не мое дело. Ищите ксерокс. Следующий.

– У меня все в порядке?

– Да. Странно, но да.

– Дадите справку?

– Шас, разбежались!

Мне показалось, что справки они дают только когда нет ни единой, даже самой малюсенькой причины отказать. Наслушавшись этих словесных дуэлей, я сбежала на почту и сделала несколько копий. Одному богу известно, как делать такие чудеса, но к обеду я прошла, получила все справки и выкатилась на весеннюю улицу, радуясь свободному воздуху.

Все-таки не так страшен черт, это точно. Мне осталось проделать какие-то «акробатические номера» в организации с кодовым названием БТИ. Я поплелась к метро и через час плутаний и шатаний, еле держась на ногах, входила в негостеприимные двери на Первой улице Энтузиастов. Энтузиастом я себя совсем не чувствовала. Тупо подчиняясь окрикам охранников, людей из очереди и тетенок в амбразурах, я что-то писала, совала в окна документы, доверенность, паспорт.

– Вам нужна экспликация?

– Что?

– Экспликация! Вы что, без нее заказ делаете?

Господи, за что мне это?

– Эскли... Что это?

Сотрудница конторы посмотрела на меня через проем окна словно на буйнопомешанную.

– Женщина, вы написали, что вам одиннадцатую форму. А к ней обычно всегда берут экспликацию.

– Тогда давайте, – обессилив, кивнула я. Лишь бы это не оказалось слоном, весящим тридцать кило.

– Оплачивайте квитанции, отметите их у меня и ждите десять дней. На квитанции указано число получения.

– Спасибо.

Оп-ля! Триста рублей. А где же я их возьму? Что-то Лукин про триста рублей и словом не обмолвился. Придется ехать в офис. Какой кошмар! А сюда надо вернуться до пяти часов. Надо спешить. Побежали! Набираем разгон! Не врезаться в прохожих! Задержать вагон!

– А почему ты не заплатила там, на месте? – удивленно оторвался от мобильного Лукин, узрев взмыленную меня пред своими очами.

– А у меня нет денег. Вы мне не давали. Очень плохо, кстати. Мало того, что я целый день занимаюсь тем, смысла чего не понимаю, мало того, что меня заставляют брать эслипа... не помню.

– Экспликацию. Это справка с перечислением точных метражей квартиры. – Удивление упорно не сползало с лица Лукина.

– Да. Так еще у меня нет денег на оплату.

– Ты могла бы из своих заплатить, я бы вернул!

Вот умник. И как мне теперь быть? Он даже мысли не допускает, что кто-то будет ходить по улицам, не имея в кармане жалкой суммы в триста рублей.

– Я забыла дома кошелек. А вы бы должны были об этом подумать!

Лукин усмехнулся и достал пухлый кожаный кошелек. Дорогой, красивый, набитый бабками. Мечта!

– Я буду думать о вашем кошельке. Но только после того, как состоится договор. Вам с него причитается около ста долларов. И возьмите проездной у секретаря. Ездить за свой счет вы не должны.

А он не так уж и плох, этот маменькин сынок в дорогом костюме. Я направилась к выходу. Он вышел вместе со мной и окончательно надорвал мою психику, когда небрежным жестом пикнул брелком, а ему ответил миганием фар большой жирный и лоснящийся «Мерседес». Черный, излучающий успех и удачливость. Ах, вот как можно жить, если научишься работать! Я просто обязана, я хочу, я научусь и тоже буду под завистливыми взглядами брякать сигнализацией и скрываться за тонированными стеклами какого-то иномарочного красавца. Я буду подъезжать к школе и, лихо развернувшись, забирать оттуда Шурятину. Пусть обзавидуются ее подружки, а мальчишки в очередь выстроятся за ее портфелем.

В плену амбициозного бреда я доплыла до «Энтузиастов» и сунула в окно оплаченную квитанцию. Меня послали ждать десять дней, и я счастливо отчалила до дому. Этот мой второй рабочий день сожрал все мои силы, и я просто никакая упала в кровать, даже не поужинав. Интересно, если так будет продолжаться, я смогу похудеть?

– Детка, мне нужно попрозванивать объекты.

– Хорошо.

– Все по Беляево... Чего молчишь?

– Вы хотите, чтобы я попрозванивала объекты? – изумилась я. – Но я не знаю ни одного объекта! Как быть с этим?

– Детка, ну ты даешь. Совсем ничего не понимаешь. Я ищу для клиентов квартиру. И из свежих квартир, которые выставлены в продажу, надо выбрать ту, что им понравится.

– А кто их выставил на продажу? Мы?

– Тьфу. Да нет, их выставил кто угодно. – Лукин взял со своего стола газету и положил передо мной.

– Вот видишь, газета с объявлениями. Называется «Из рук в руки». Открывай.

Я развернула ее. От мелкого типографского шрифта у меня зарябило в глазах.

– И что дальше?

– Дальше ищи раздел «Беляево». Это Юго-Западный АО.

– АО?

– Административный округ! За что мне такое наказание?

Я принялась истерично листать страницы. Станции метро сменяли друг друга в необъяснимой для меня последовательности. Что за идиотизм. Не могли, что ли, по алфавиту расположить? Где это чертово Беляево?

– Детка, ты пропустила Юго-Западный округ!

– Неужели? – И почему он все время величает меня деткой? Я в любом случае выгляжу намного убедительней какой-то детки. Детка – это хрупкая молоденькая девочка с длинными ножками. Глупенькая и обаятельная. Если Александр Лукин меня видит такой – что ж, тогда в нем определенно есть масса хорошего.

– Что застыла? Видишь, жирным выделено – Беляево.

– Ой, и правда! – порадовалась я.

– Прозвони все. Я хочу знать, какие еще не проданы. Их реальные цены и как их смотреть.

– Ладно, я постараюсь.

– Впрочем, если ты пользуешься компьютером, то можешь посмотреть в базе. Там проще.

– Нет-нет. Я лучше так.

Перспектива уже на третий день сразиться с электронным мозгом меня нисколько не вдохновляла. Я принялась звонить по объявлениям. Было двенадцать часов. Чтобы оценить всю степень моих мучений, скажу, что закончила список квартир у метро «Беляево» я к восьми часам. И то не все объявления оказались в моем списке удачных звонков. Первый раз я набрала номер под тарабарщиной однокомнатной квартиры на улице героического Миклухо-Маклая.

– Агентство недвижимости, что вас интересует?

– Квартира у метро «Беляево».

– Сколько комнат?

– Одна.

– Агент Круглова Анна. Запишите телефон.

– Спасибо, – пробормотала я и принялась набирать телефон Анны.

Телефон молчал. Помолчал-помолчал, да и загавкал:

– Анны нет. Звоните ей на работу. Достали. – И замолчал снова.

– По-моему, там кто-то спал. Но ведь сейчас день, так что я не нарушила приличий, – пожаловалась я Свете, девушке, которая оказалась секретарем нашего отдела.

Света работала за компьютером на окладе и, по идее, должна была всем во всем помогать. Но она изобрела себе такое количество нужных и важных дел, что до дел отдела ей дела не было, извините за каламбур. Но меня она приняла, так ей понравилась моя манера сначала говорить, а потом думать.

– Ты позвони еще раз в агентство и спроси мобильник. У многих наших домашние давно озверели.

– Это значит, и мои тоже со временем озвереют?

– Всенепременно! – обрадовала меня Светка и отвернулась.

Я набрала номер и снова объяснила, чего и от кого хочу. Мне опять попытались всучить домашний номер, но я уперлась и заставила девушку соединиться с отделом этой недосягаемой Анны и узнать ее мобильник. Через полчаса моего телефонного путешествия я таки поймела счастье услышать Анну Круглову, которая угукнула и обрадовала меня новостью:

– Квартира под авансом.

– Это что значит? – опешила я.

– Это значит, что она уже под авансом. Но если вам очень надо, вы можете предложить нам тысячи две сверху. Тогда мы можем и подумать.

– Понятно, – сказала я и растерянно опустила трубку на базу. Подобная скоростная бизнес-конструкция была еще слишком сложна для меня. Я понятия не имела, насколько нужна эта квартира клиентам Саши Лукина и готовы ли они переплатить пару тысяч. Господи, на этом рынке тысяча-другая в ту или иную сторону – пара пустяков. С ума сойти.

– Не бери в голову, – посоветовала Света, – звони дальше. Просто пометь, что она под авансом.

Еще у меня нарисовалась другая проблема, я не могла разобраться в тарабарщине объявлений. Когда я видела перед собой нечто вроде: «Беляево 2 к. кв. 10 п., ул. Ак. Арцимовича, 12 11\12п 53\30\8 л., т., сур., мусоропр., лин., 85 000 \$, инфр., парк., первич., альт.», я, прямо сказать, терялась. Что такое «л., т., сур.»? А «первич.»? А «альт.»? Ну при чем тут альт? К слову сказать, я опытным путем установила – для того, чтобы научиться быстро и без закипания мозга читать эти шифровки, нужно практиковаться около месяца.

В ночь после первого моего «крутого обзвона» я не могла уснуть. Чуть только я прикрывала глаза и погружалась в дрему, передо мной мелькали шрифты, буквы, номера телефонов. Всю ночь я в голове продолжала разговоры, набирала номера, спрашивала, уточняла, записывала. И все мои жертвы были принесены впустую, так как оказалось, что Лукину были нужны только свободные однушки. А их в моем списке было всего три или четыре.

– А зачем ты прозванивала все квартиры подряд, детка?

– Вы сами так велели! – возмутилась я, но он не проникся раскаянием.

– Ладно, я дам тебе телефон клиентки. Надо ей показать вот эти две однушечки. И прозвони сегодняшние новые, распечатай из базы. И еще, не хочу ругаться, так как ты еще новичок. Но документы в жэках надо проверять. Тебе выдали выписку с опечаткой. А у меня послезавтра сделка, так что придется тебе сегодня ее поменять. И все сверь с доверенностью, а то еще сорвешь мне сделку.

– Хорошо, я постараюсь.

Вот так. Придется ехать в этот жуткий жэк еще раз. Хоть плачь. Стоп, а что он имел в виду, говоря «распечатай из базы»?

– Из какой базы?

– Из винна.

– Исчерпывающе! – воскликнула я, но Лукин уже ушел.

Я не умею включать компьютер. Светы на месте нет, а мои коллеги по отделу исчезают так же быстро, как и Лукин. В отделе всего семь маклеров, и я не уверена, что все они каждый день появляются в офисе. Я имею все шансы остаться один на один с мерцающим ящиком. Ладно, сначала в жэк, потом база, потом просмотр. Надо его, кстати, назначить. А то потом может не оказаться маклера.

– Алло, вы занимаетесь квартирой на Миклухо-Маклая?

– Да.

– Сможете показать сегодня?

– В восемь вас устроит?

– Да! – ляпнула я.

Конечно, еще неизвестно, в какое время может клиентка. Я позвонила ей и выяснила, что со временем я угадала. Изольда Освальдовна жила рядышком и как раз могла именно вечером. Так я первый раз показывала квартиру. Ни черта не понимая, я дула щеки, спрашивала с важным видом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.